

ДРУГИЕ
МИРЫ

18+

Кира Стрельникова

БЕЗДУШНАЯ

Annotation

Бездушные — бесчувственные убийцы, прекрасные и безжалостные женщины. За их спиной поломанные судьбы и оборванные жизни. Но все эти преступления были совершены не по собственной воле. Их подчинили, лишили чувств и эмоций, поработили. Теперь им милосердно дали шанс обрести утраченное. Только как это сделать? Рецепта нет, а те, кому поручено исцеление, не спешат забыть совершенные Бездушными преступления и не терзаются угрызениями совести в выборе средств.

Цена искупления будет высока...

Кира Стрельникова

Бездушная

— И что мы с ними будем делать? — тихо спросила высокая изящная женщина с золотистыми волосами и ясными голубыми глазами, с жалостью глядя на стоявших чуть поодаль пленниц.

Их осталось всего десять, выживших после смерти хозяина, Собирателя Чувств. Десять Бездушных, не умеющих чувствовать, но умеющих убивать, забирая чувства у других. У них больше не было повелителя, которому можно отдать отнятые чувства, они перестали быть опасными, но как поступить с пленницами, никто пока не знал.

— Убить. — Слово, произнесенное рыжеволосой женщиной с нахмуренными бровями и пронзительными черными глазами, тяжело упало в тишине.

Блондинка вздрогнула и метнула на нее встревоженный взгляд.

— Не надо, Злость, пожалуйста, — попросила она и сложила руки перед собой. — Они никому уже не причинят вреда...

— Они — убийцы, — перебила Злость и нахмурилась сильнее. — Радость, тебе все равно их жалко?

— Они жертвы ненормального, решившего забрать у людей чувства. — Радость поджала губы. — Эти девушки тоже когда-то были обычными людьми, пока не попали в лапы Собирателя. Я всего лишь хочу им помочь.

— Я согласна с Радостью. — Вперед выступила еще одна женщина, румяная, пышущая здоровьем, невысокая и пухленькая, с короткими каштановыми волосами, рассыпавшимися по плечам. — Им надо помочь.

— Как вы собираетесь помочь им?! — Рядом со Злостью встала миниатюрная брюнетка, одетая во все черное; ее остренькое личико с резкими чертами можно было бы назвать милостивым, если бы не гримаса, исказившая его. — У них нет души, и вернуть ее им мы не в силах! Спасибо, Радость, вы слишком мягкосердечные!

— А ты слишком категорична, Ненависть, — продолжила пухлая Счастье. — Я все же за то, чтобы дать им шанс.

Ненависть фыркнула, резко развернулась и вышла из большого круглого зала, где проходило совещание. Сквозь узкие окна под самым потолком лились лучи света, в которых плясали золотистые пылинки; десять девушек в одинаковых белых платьях по-прежнему стояли, не шевелясь и глядя перед собой равнодушными глазами. Они не пытались сбежать, не пытались возмущаться или как-то вмешаться в обсуждение своей дальнейшей судьбы. Они... ждали.

— Сделаем так. — Из одного из кресел, стоявших полукругом, встала еще одна женщина потрясающей красоты, с большими лучистыми серыми глазами и мягкой улыбкой, и подошла к остальным. — Дадим им возможность вернуться к нормальной жизни, пусть попробуют. Если не получится, будем решать, что делать. Отдадим их на перевоспитание. — Она обвела внимательным взглядом пленниц.

— Кому? — с интересом переспросила Радость, покосившись на говорившую.

— Тем, кто помогал уничтожить их хозяина. — Улыбка женщины стала шире. — Лордам Карателям. Думаю, они лучше всех справятся с задачей. По крайней мере, приложат все усилия.

Остальные переглянулись, и Счастье осторожно переспросила:

— Любовь, ты уверена? Как они будут их перевоспитывать? — Она посмотрела на собеседниц.

— Они научат их заново чувствовать, — просто пояснила Любовь и перевела взгляд на пленниц. — Зовите Карателей. Это лучший выход.

Спорить с ней никто не решился — во всем, что касалось этой темы, Любовь ошибалась крайне редко, поскольку лучше других знала и понимала людей. Молча поклонившись, остальные женщины вышли, и Любовь осталась одна с Бездушными. Она медленно подошла к ним, вгляделась по очереди в бесстрастные лица и вздохнула, покачав головой.

— Бедные девочки, — прошептала Любовь. — Ничего, мы вас вылечим. Обязательно.

После чего она развернулась и подошла к своему креслу — ждать приглашенных лордов.

Глава 1

Я сидел на диване, смотрел на эту девушку, по виду не старше девятнадцати, и, откровенно говоря, не знал, что делать. Научить ее чувствовать? Странное задание, и, прямо скажем, я не представлял, как это можно сделать. Мы находились в гостиной моих покоев во дворце Карателей на берегу озера Теаран; она — на самом краешке стула, в простом белом платье, сложив руки на коленях и глядя на меня необычными глазами ярко-зеленого цвета молодой листвы. От ее неподвижного лица, на котором не проскальзывало ни одной эмоции, становилось слегка не по себе. Бездушная, одним словом.

— Как тебя зовут? — спросил наконец я, заметив, что она не притронулась к принесенному служанкой чаю с печеньем.

— Финира, — тихо ответила девушка, и голос у нее оказался на удивление приятный, певучий, только ровный, без оттенков.

«Если бы в нем проскользнула хоть капля эмоций, — подумалось мне, — он заиграл бы, как драгоценный камень».

— Финира, значит. — Я кивнул и отпил из чашки. — Ты помнишь свою жизнь до того, как... — Я замялся, подбирая слова, а потом вспомнил, что она не умеет чувствовать и задеть ее или обидеть неосторожным словом невозможно, и продолжил: — До того, как попала к Чувствам?

— Я забирала у людей их чувства, и они умирали, потому что с ними уходила и их душа, а люди не умеют без нее жить, — совершенно спокойно ответила Финира, я даже вздрогнул от ее ровного голоса.

Она была красивой, с мужской точки зрения. Невысокая, с гибкой, стройной фигурой, которую простое белое платье только подчеркивало. Лиф мягко облегал полную грудь, вырез открывал лишь трогательную ямочку между ключицами. Длинные волосы чистого золотистого цвета заплетены в толстую косу, перекинутую через плечо. Удлиненный овал лица, высокие скулы, чуть вздернутый носик и пухлые губы. Раскосые глаза этого невозможного зеленого цвета с золотистыми крапинками, пушистые ресницы чуть темнее волос. На светлой коже щек словно кто-то рассыпал шоколадные крошки-веснушки, которые так и тянуло попробовать на вкус языком. Все портило совершенное отсутствие эмоций на бесстрастном личике и в непроницаемых глазах. Вроде как с первого взгляда восхищаешься, а потом начинаешь понимать: что-то тут не так. Я задал следующий вопрос, не сводя с нее взгляда:

— Ты помнишь, как стала такой?

И она снова ответила спокойно, будто я спросил о какой-то ничего не значащей вещи:

— Помню. Он убил моего брата у меня на глазах и забрал мои чувства и душу.

Признаться, я вздрогнул от бесстрастного признания, хотя нервы у меня крепкие. Не выдержал, встал и прошелся по гостиной, засунув руки в карманы и искоса поглядывая на Финиру. Она же в ответ наблюдала за мной с потрясающим равнодушием. По-моему, нереально вернуть ей способность ощущать. Как, скажите на милость?

— Финира — это твое настоящее имя? — продолжил я расспросы, остановившись у открытого окна: легкий ветерок колыхал вышитый тюль, принося запах воды и цветов.

— Так называл меня Хозяин, — послушно ответила она.

— А свое прежнее помнишь? — Может, хоть ее прошлое поможет мне.

— Нет, — так же спокойно произнесла Финира.

Я чуть не крикнул с досады. Что ж, ладно, придется наведаться в архивы, куда свезли все, что нашли в башне Собирателя Чувств до того, как ее разрушили, и поискать. Наверняка там есть материалы по Бездушным. Но сначала — поговорить с кем-то из Чувств. Зачем они это затеяли? Зачем мне бывшая идеальная убийца Собирателя? Как, черт возьми, научить ее снова чувствовать? Нелепая затея, клянусь чем угодно.

Вздохнув, я взял со стола большой хрустальный колокольчик и позвонил. Усиленный магией звук разнесся за пределами комнаты, и вскоре на пороге гостиной появилась моя экономка Чали.

— Чего изволите, милорд? — с почтительным поклоном спросила она, бросив любопытный взгляд на Бездушную.

— Отведи девушку в покои на женской половине, пусть ее накормят и переоденут, — отдал я распоряжение. — Ее зовут Финира, и она... — Я запнулся, раздумывая, признаваться или нет, кто такая моя новая гостья, и решил не создавать сложностей. Ей и так нелегко придется с остальными женщинами из моего гарема. Подавил кривую усмешку и закончил: — Финира немного больна, так что аккуратнее с ней. Я скоро вернусь, к обеду, наверное. — Дождавшись кивка экономки, обратился уже к Бездушной: — Иди с Чали, она поможет тебе освоиться, покажет, что где находится. Я скоро приду.

Финира никак не отреагировала на мои слова, только проводила взглядом, так и оставшись сидеть на стуле. Подавив раздраженный вздох, я направился в свои комнаты — переодеться для встречи с Чувствами. Они, конечно, не требуют соблюдения формальностей, но в домашних штанах и рубашке уж точно не стоит появляться в соборе, там все же посетители бывают. Я сменил одежду, одернул удлиненный жилет темно-серого цвета, украшенный сдержанной вышивкой чуть светлее, поправил тонкие кружева на манжетах и воротнике, окинул себя придирчивым взглядом. Зеркало отразило мужчину средних лет с убранными в аккуратный хвост русыми волосами, приятным лицом, гладко выбритым подбородком и светло-кариими, орехового цвета глазами. Почему-то женщины считали меня привлекательным и мужественным, хотя как по мне, так обычная внешность, не лучше и не хуже, чем у других. Разве что серебристая татуировка, выходящая из-за ворота рубашки и прихотливо извивавшаяся по шее, выделяла меня среди прочих. Знак Карателя, рисунок, украшавший мою кожу с рождения.

Тряхнув головой, я развернулся и вышел из спальни, по длинному коридору направившись к выходу из дворца. Нас было всего десять, но этого достаточно на такой большой город, как Феир. Работы хватало, однако не так уж, чтобы мы без перерыва выезжали на задания. И слава эфиру, потому как часто избавляться от излишков чужих чувств мне не нравилось. Слишком уж специфический процесс, и, увы, альтернатива не лучше. Поморщившись на ходу, я ступил на тонкий ажурный мостик, соединявший дворец и собор, невольно с восхищением окинув открывшуюся панораму. Феир стоял на берегу большого озера Теаран, и не просто на берегу — озеро являлось центром города, его сердцем. А Феир — столицей Дорсании. Сердцем же страны был собор Чувств, стоявший на небольшом острове в середине озера. Воздушный, кружевной, словно сотканный из тумана, хрустальных нитей и осколков радуги, он выглядел порождением чьего-то сна, нереальной сказкой. Витые полупрозрачные шпили, сиявшие под солнцем, ажурные стены, разноцветные витражи, винтовые лестницы — все казалось хрупким и ненастоящим, готовым вот-вот растаять под ногами. Но нет, собор был вполне материален, и я любил бродить по нему, когда

требовалось подумать или просто дать душе отдых.

Здесь жили Чувства, те, кому служили Каратели и поклонялись люди, кто присматривал за нами и за порядком. Здесь проводились торжественные церемонии в связи с главными праздниками, здесь молодые Каратели проходили посвящение и клялись служить Чувствам, здесь же и выбирали им девушек в гарем... Я поспешно отогнал невеселые мысли и сосредоточился на цели: поговорить с Любовью, она была негласной старшей среди остальных, к ней прислушивались, и она принимала окончательное решение по сложным вопросам. Готов спорить на что угодно, решение по оставшимся в живых Бездушным принимала тоже она. Вот и спрашиваю, как она вообще видит выполнение этого специфического задания.

Я ступил на дорожку, выложенную гладкими полупрозрачными камушками, похожими на лунный камень, и через несколько минут перешагнул порог собора. Главный зал начинался сразу за дверями, отсюда уже расходились коридоры и переходы, и здесь же стояли кресла, на которых обычно восседали Чувства. Причем как-то так получалось, что каждое из них всегда знало, к кому пришел посетитель. Вот и сейчас Любовь меня уже ждала, неторопливо прогуливаясь по украшенному мозаикой из драгоценных камней полу. На ее красивом лице поселилась задумчивая улыбка, карамельного цвета локоны окутывали плечи и спину, вызывая желание прикоснуться к ним, ощутить под пальцами шелковистость. Простое платье приятного лавандового оттенка очень шло ей, и я невольно залюбовался. Истинное воплощение чувства: от нее невозможно было оторвать взгляд, и в душе воцарялось умиротворение. Только сейчас я пришел поговорить о серьезном деле.

— Аллард, здравствуй. — Любовь повернулась ко мне, ее голос звучал мягко, негромко. — Что ты хочешь спросить?

— Что мне делать с этой Финирой? — не стал я ходить вокруг да около, остановившись рядом и скрестив руки на груди. — Как вернуть ей способность чувствовать? И зачем это вообще делать? — Я нахмурился.

Улыбка Любви стала шире.

— Я верю в тебя, Аллард, — спокойно отозвалась она. — У тебя получится. Как... — Женщина помолчала, ее взгляд на несколько мгновений стал отсутствующим. — Положись на чутье, — дала она совершенно бесполезный совет. — Покажи ей другую жизнь, без смерти, жестокости и насилия. Покажи, что чувства можно не только забирать, но и отдавать. — Любовь внимательно посмотрела на мою обескураженную физиономию. — Научи ее заново быть человеком, Ал.

Я моргнул, пытаюсь осмыслить. Научить Финиру быть человеком?.. Час от часу не легче.

— Может, проще было их всех уничтожить? — пробормотал я, подавив вздох.

Ясно, что прямых подсказок мне не дадут и придется импровизировать. Любовь сдвинула идеально очерченные брови.

— Проще всего уничтожить, Аллард, — немного резко ответила она. — И гораздо сложнее начать сначала, особенно когда все потерял. Эта девочка потеряла все, кроме своей жизни, ей всего девятнадцать, и она не помнит ничего, кроме страданий и смерти. Финира не помнит своего прошлого, она не знает, что ждет ее в будущем. Она заслужила шанс, — твердо произнесла Любовь. — И я дам его ей и ее сестрам по несчастью. Я могу положиться на тебя, Аллард? — Она испытующе посмотрела мне в глаза.

Когда женщина так на тебя смотрит, с надеждой и верой в то, что ты действительно самый сильный и сможешь справиться со всеми сложностями, отказать невозможно. Я

склонил голову.

— Конечно, госпожа. Я постараюсь приложить все усилия, — ответил, в этот момент и в самом деле поверив своим словам.

Что ж, мне всегда нравились сложные задачи, а в последнее время, когда мы справились с Собирателем Чувств и наступила тишь да благодать, я, признаться, заскучал. Даже по работе нечасто приходилось покидать дворец и отправляться в город: на людей снизошло благословение, и они не разбрасывались чувствами, еще помня, как легко Бездушные могли их отнять.

— Спасибо, Ал, — тепло улыбнулась Любовь, морщинка на ее лбу разгладилась. — Если что, приходи, я всегда готова поговорить с тобой. И Финиру приводи, — добавила она после едва заметной паузы.

— Спасибо за разговор, госпожа, — поблагодарил я, еще раз поклонился и пошел обратно к выходу.

Итак, четких указаний нет, значит, наведаюсь в архив. Признаться, с момента, как бумаги Собирателя перевезли туда, чтобы изучить и в дальнейшем избежать повторения того кошмара, я в них не заглядывал. Не хотелось копаться в этой грязи. Кто-то из Карателей, может, и заходил, листал, но меня не тянуло. Однако с этим заданием Любви придется все же изучить материал — вдруг о прошлом Финиры еще узнаю, это пригодится в нашем общении. Может, еще девушки из гарема помогут, они добрые, хотя у каждой своя изюминка в характере, связанная как раз со способностью забирать у меня излишки чужих чувств. Хорошо, их у меня всего четыре, а не полный набор, как у того же Риммера. И как он справляется с ними? Покачав головой, я вздохнул, очнулся от размышлений и обнаружил, что уже прошел весь мост и снова оказался во дворце Карателей. Так, теперь архив.

Однако далеко уйти не успел — меня окликнул знакомый веселый голос:

— Эй, Ал! Привет, в собор ходил? — Корхилл, мой старинный друг, догнал меня и пошел рядом, глянув с широкой улыбкой. — Тебе тоже дали на перевоспитание малышку Бездушную, да?

— Дали. — Я поморщился. — Только в соборе толком не сказали, что с ней делать. Мол, пробуди хоть какие-то чувства, остальное само придет.

— Ха! — Кор озадаченно почесал в затылке. — Легко сказать, знаешь ли, пробудить чувства, — протянул он. — Моя так вообще — камни и то имеют больше эмоций, мне кажется. Знаешь, если честно, я ее даже слегка побаиваюсь. — Корхилл поежился, улыбка пропала с его лица. — Она, конечно, миленькая очень, брюнеточка, изящная вся, мне нравятся такие женщины, но, эфир меня побери, как к ней подступиться? Как посмотрит своими пустыми глазищами, так у меня вся охота отпадает. — Кор грустно хмыкнул. — Ты куда сейчас? — резко переменял он тему.

— В архив, покопаюсь в записях, вдруг найду что-нибудь полезное, — ответил я задумчиво. — Надо все-таки выполнить просьбу Чувств.

— Будешь искать подход к своей? — понятиливо кивнул Корхилл. — Поделишься, если найдешь что-нибудь?

— Конечно. — Я улыбнулся другу и хлопнул по плечу. — Ты тоже, если вдруг подвижки будут.

— Ага. — Кор снова поморщился. — Только, мне кажется, у тебя быстрее выйдет.

— А у тебя опыта больше по общению с женщинами, — поддел я его с усмешкой — Корхилл слыл любителем женского общества, попросту бабником.

Внешность записного рокового красавца с жгуче-черной шевелюрой, шальными зелеными глазами и обаятельной улыбкой сражала дам наповал, и у него недостатка в них никогда не наблюдалось. И, что удивительно, расставался со своими дамами Кор всегда добром, обиженных за собой не оставлял. Редкое качество, иногда я завидую. Мне вон даже со своим гаремом проблем хватает.

— Весь мой опыт разбивается о полное равнодушие этой куколки, — расстроено вздохнул Корхилл. — Ну да ладно, будем стараться.

Мы распрощались и разошлись каждый по своим покоям — я хотел перед походом в архив проверить, как устроилась Финира. Однако когда зашел в общую гостиную, понял, что архив откладывается: на столике лежал одинокий листок, и я знал, что там написано. Новое задание. Об этом говорил золотистый шнурок с печатью — послание от кого-то из Чувств. Настроение упало, я нахмурился и подошел к столу. Гораздо чаще Карателей вызывали, чтобы забирать плохое — горе, отчаяние, злость, ненависть, ревность. И очень редко — любовь, например. Как ни странно, ее тоже может быть в избытке, и она перерастает в болезненную манию, но мне, к сожалению, в этом смысле особо не везло. Я взял лист, чтобы узнать, к кому мне предстоит отправиться на сей раз. «Аира Земори, вдова, никак не может прийти в себя после смерти мужа». Дальше адрес и вместо подписи — три слезы в терновом венке. Ну, что я говорил? Предстоит забрать горе безутешной женщины, чтобы она могла жить дальше. А потом идти к Рахине...

Тряхнув головой, я поспешил к себе в очередной раз переодеться. Да, у Карателей была форма — так полагалось для солидности и чтобы нас сразу узнавали; татуировку-то не каждый разглядит, тем более она не на таком уж видном месте. Темно-серые штаны и куртка без украшений, отделанная лишь узкой серебряной лентой по краям, такого же цвета рубашка из шелка и короткий меч на всякий случай — оружие в руках я, естественно, держать умел. Далеко не везде в Феире хватало моей татуировки, всякое могло случиться. Хорошо хоть, после уничтожения Собирателя мне редко приходилось доставать его из ножен. Бросив последний хмурый взгляд в зеркало, я вышел из спальни. Пришла пора исполнять свой долг.

Взяв в конюшне дворца свою вирессу — серебристую тонконогую красавицу с пышной гривой и хвостом, — я поехал по адресу. Феир жил своей жизнью: по узким улочкам и широким проспектам прогуливались знатные господа, спешили по делам простые люди, двигались носильщики с портшезами и ехали всадники. Благоухали цветы на балконах и в окнах, в садах и скверах, журчали фонтаны, даря свежесть в этот жаркий день. На одной из площадей, через которую лежал мой путь, всю шумел рынок, раздавались выкрики зазывал, громкие голоса торгующихся, все вокруг пестрело яркими красками и блестело дешевыми драгоценностями и побрякушками. Я ехал, наблюдая словно со стороны и чувствуя себя странно чужим здесь: меня узнавали по форме, расступались и почтительно кланялись, провожая уважительно-опасливыми взглядами. Я ведь мог не только приносить облегчение, забирая плохие чувства, мешавшие людям жить. Я мог и карать по приказу Чувств за преступления, совершенные из-за ревности, любви, злости, ненависти... Полным отнятием чувств. После этого долго не жили, ведь, по сути, после этого человек терял душу, а без души не жизнь — существование.

Мои мысли свернули на Финиру, Бездушную, прямое исключение из этого правила. После смерти Собирателя выжили только она и еще девять девушек, как я знал. Как ей это удалось? Не понимаю. Но она в моих покоях, ждет моего возвращения. Или не ждет? Если

она не умеет чувствовать?.. Я тряхнул головой, избавляясь от беспокойных мыслей. С одной стороны, не думаю, что меня как-то накажут, если не получится с Финирой, — скорее всего, девушку просто уничтожат, как и остальных Бездушных. С другой... Хотя она и страшное оружие в прошлом, она — человек. Причем с искалеченной судьбой и жизнью, и Любовь права: ей всего девятнадцать, она заслуживает того, чтобы попробовать начать жизнь заново. Значит, я приложу все усилия, чтобы выполнить столь необычное задание.

За раздумьями не заметил, как приехал по нужному адресу. Скромный двухэтажный дом с балконом в квартале торговцев и купцов. Вокруг бурлила жизнь, а он... как будто спал. Окна закрыты, цветов нет, и, мне даже показалось, внутри тоже никого живого нет. Я спешился, привязал вирессу и поднялся по ступенькам крыльца, взялся за дверной молоток и громко стукнул по латунной пластине, казалось, тоже потускневшей от царившего за дверью горя. Я уже его чувствовал, хотя и не зашел внутрь. Сильно, должно быть, любила эта женщина своего мужа, раз настолько безутешна. Как ни странно, открыли мне быстро, словно ждали. Немолодая экономка в простом светлом платье, в знак траура — повязанная черным платком голова. Она посмотрела на меня грустными глазами, и в них вспыхнула надежда.

— Господин Каратель, — почтительно поклонилась женщина и посторонилась. — Проходите. Как же хорошо, что вы пришли! — В ее голосе слышались сдержанная радость и облегчение. — Я — Валлина, экономка госпожи Аиры. Она в спальне. — На ее лице снова отразилась печаль. — Она уже неделю не выходит оттуда... И почти ничего не ест.

— Проводите меня к ней. — Я вошел в полутемный холл и огляделся.

На стенах висели сухие букеты — наверное, еще с похорон. Картины закрыты черным бархатом, и даже позолоченные светильники лишь тускло отсвечивали, словно тоже скорбя с хозяйкой. Ох. Чувствую, много забрать придется и часом в обществе Рахины не отделаюсь. Подавив досаду, я поднялся вслед за экономкой на второй этаж по деревянной лестнице и свернул в короткий коридор с несколькими дверьми. Валлина провела меня к самой последней и осторожно постучала.

— Госпожа Аира, к вам пришли, — произнесла она, прислушиваясь.

Из-за двери не донеслось ни звука. Экономка уже подняла руку, чтобы снова постучать, но я остановил ее, перехватив ладонь.

— Позвольте мне, — мягко произнес я и толкнул незапертую дверь спальни.

Окна были задернуты плотными шторами, создавая полумрак. Тяжелый, застоявшийся воздух наполнен сладковатым ароматом благовоний. На тумбочке около кровати горели две толстые свечи, и, судя по скопившемуся оплавленному воску, горели они давно. За ними стоял портрет молодого симпатичного мужчины с широкой открытой улыбкой. Полагаю, усопший во времена молодости. На кровати, застеленной покрывалом из простеганного черного шелка, лежала женщина средних лет, тоже во всем черном. Наверное, она была еще не старой, но морщины горя избородили лицо, сделав его почти старушечьим. Тусклые, растрепанные волосы в беспорядке разметались по подушке, темные пряди падали на щеки, прибавляя еще лет. Потухший, остановившийся взгляд был направлен на портрет. В пальцах женщина судорожно сжимала носовой платок, надо понимать, насквозь мокрый от слез. Я едва удержал эмоции, в груди болезненно сдавило, и к горлу подступил ком — настолько сильно ощущалось здесь горе.

— Госпожа, — негромко произнес я и подошел к кровати, опустившись на нее. — Вы слышите меня?

Аира лишь перевела на меня взгляд безжизненных глаз, а увидев, кто к ней пожаловал, встрепенулась, хотела что-то сказать, но я уже приступил к работе: обхватил пальцами ее запястье, впустив чувства женщины в себя. Наверное, она считала, что грустить по мужу — это нормально и таким образом она чтит его память. Может быть, она вскоре сама бы умерла от тоски по нему, но Чувства решили по-другому: ей еще жить дальше, и, возможно даже, через какое-то время она получит второй шанс снова стать счастливой. Не знаю. Знаю только, что мне надо забрать у Аиры то, что мешало ей отпустить мужа, и в меня хлынули вся ее боль, печаль и отчаяние, одиночество. Стиснув зубы, я терпел, ощущая, как горячо пульсирует тагуировка, впитывая чужие переживания, а зрачки Аиры расширялись все больше, и рот приоткрылся. Она замерла, как беспомощный зверек, во взгляде мелькнула растерянность, а рука под моими пальцами дрогнула. Ее губы шевельнулись, и мне показалось, Аира хотела сказать «не надо». Наверное, она боялась жить дальше сама, одна, поэтому и спряталась в своем горе, как в коконе; но ей придется выйти за порог дома и осознать, что жизнь не закончилась, что люди умирают, так уж положено Мирозданием, и мы все теряем близких, рано или поздно. Я забрал лишь то, что мешало, оставив Аире только светлую печать по ушедшему, и она вскоре сама поймет, что муж бы порадовался, видя ее счастливой, а не убитой горем. Чувства следили за тем, чтобы в людях оставалось равновесие и лишние переживания не нарушали внутренней гармонии, не мешали им жить и не толкали на безумные, а зачастую и страшные поступки. Ведь и от неразделенной любви можно сойти с ума и совершить непоправимое...

Все закончилось внезапно, поток оборвался, и я убрал руку. Мир вокруг словно подернулся серой дымкой, окружающее дрожало и плыло перед глазами, а во рту стояла горечь. Чужие чувства давили изнутри, требовали выхода, и мне следовало поторопиться во дворец. Много же скопилось в этой Аире; недаром сейчас она выглядела лет на пять моложе, чем когда я зашел в спальню.

— Вам следует привести себя в порядок и поесть, госпожа, — с трудом выговорил я и поднялся, стараясь не шататься.

— Да, конечно... — растерянно отозвалась Аира шепотом и приподнялась на кровати.

Я развернулся и направился к выходу, делая ровные, глубокие вдохи. В голове немного прояснилось, и сил должно хватить, чтобы добраться до дворца и Рахины. Сам с таким количеством печали и горя точно не справлюсь. Выйдя из спальни, я посмотрел на Валлину.

— Она пришла в себя, — ровно произнес я, скрывая, в каком состоянии нахожусь сам.

Незачем простым людям знать, чего стоит Карателям забирать чужие чувства. И хорошо, это оказалась печаль, а не что похуже. После ревности или ненависти корежит раза в два сильнее, даже если заберешь не так много, как сейчас. К счастью, контролировать себя нас учат еще со школы, это входит в обязательную программу обучения будущих Карателей.

Экономка юркнула в спальню, до меня смутно донесся ее взволнованный голос. Мысленно пожелав Аире удачи в новой жизни, я поспешил спуститься и выйти из дома, который теперь не казался тенью самого себя. Сев на вирессу, я рысью направился во дворец, крепко сжимая поводья, стискивая зубы и глядя только вперед. В нынешнем состоянии я замечал только неприглядную сторону жизни Феира: нищих, калек, ругающихся мужа и жену, плачущего ребенка... Все подернулось серой дымкой, избавиться от которой можно только одним способом: Рахина.

Путь до дворца я запомнил смутно, признаться, и как шел до женской половины в своих покоях — тоже в сознании не отложилось. Лишь где-то на границе мелькнула мысль, что не

увидела бы меня в таком состоянии Финира, но почему я этого не хотел, объяснить не сумел. Она все равно не может чувствовать, так какая ей разница, что со мной происходит? И, собственно, мне какое дело, что она обо мне подумает, если подумает вообще? В таких вот сумбурных размышлениях и растрепанном состоянии я ввалился в комнаты Рахины.

Она сидела у окна, задернутого легким золотистым тюлем, и читала. Теплый ветерок колебал невесомую ткань и шевелил локоны сочного шоколадного цвета, на тонком лице с изящными чертами отражалась задумчивость. Рахину можно было бы назвать милой, если бы не затаившееся в глубине взгляда черных глаз тоскливое выражение и скорбные складки в углах рта. Да, ее можно понять: не думаю, что она мечтала оказаться в гареме Карателя и служить ему эдаким громоотводом... Но так уж вышло, что ее выбрали Чувства, что Рахина обладала способностью впитывать именно Печаль, и виноватых в этом не было.

При моем громком появлении она встрепенулась, выпрямилась, а увидев меня, вздрогнула и выронила книгу.

— Г-господин... — прошептала Рахина едва слышно, и на хорошеньком личике отразилась обреченная покорность. — Вам плохо, — озвучила она очевидное и поспешила ко мне.

Мне казалось, если я прямо сейчас не избавлюсь от чужих чувств, взвою от тоски и боли, рвавших грудь. Тяжело навалившись на подоспевшую Рахину, я уже хрипло дышал, едва контролируя себя. На ощупь нашел ее мягкие, податливые губы и впился в них поцелуем, словно желая выпить до дна. Она едва слышно всхлипнула, и та часть сознания, что еще оставалась разумной, поморщилась от предстоящего. Но ничего не поделаешь. Как добрались до спальни — не помню, и, кажется, я опять порвал Рахине платье. Однако эти мелочи меня уже не заботили. Словно сквозь туман слышал судорожные вздохи девушки, ощущал, как она цепляется за мои плечи, и на губах оставался соленый привкус ее слез. Неизбежное зло, да, она всегда плакала, когда я приходил к ней, — так выходили чужие чувства. И даже когда разум немного прояснился, когда я смог контролировать себя и постарался сделать так, чтобы ей тоже было хорошо, Рахина все равно плакала. Пыталась сдерживать слезы, кусала губы, но ничего не помогало. Поцелуи с привкусом горечи, удовольствие на грани отчаяния — не совсем то, чего хочется в постели от хорошенькой девушки. Но по-иному я не мог избавиться от чужих чувств, никак, увы. Только через близость, через ее слезы, через дрожащие губы и стоны, которые почти не имели отношения к наслаждению.

Я гладил ее дрожащее тело, целовал припухшие, влажные губы и в такие моменты чувствовал себя последним негодяем. Мне было ужасно жаль Рахину, очень хотелось как-то ее утешить, загладить ту невольную грубость, которую я проявил к ней, находясь под властью не моих эмоций. Она тихо плакала, уткнувшись мне в ключицу, под моими руками плечи девушки оставались напряженными, и, хотя лучшее, что я мог сейчас сделать, — это просто встать и покинуть спальню, дать ей прийти в себя и отвлечься на что-то, однако я в который раз попытался все-таки подарить Рахине заслуженное удовольствие. Мои губы коснулись края розового ушка, язык медленно провел по нему, а пальцы мягко погладили плавный изгиб спины, спустившись до самой поясницы. Рахина замерла, затаившись, всхлипы затихли, и я с тоской понял, что последует дальше. Как и много раз до этого. Однако не остановился, упорно продолжая ласкать упругие ягодички, надеясь, что, может, на этот раз она позволит...

— Н-не надо, — едва слышным шепотом отозвалась наконец Рахина, пошевелившись, и попыталась отстраниться. — Пожалуйста...

Стиснув зубы, я убрал руку и позволил ей отвернуться, а потом и сесть на краю кровати. Мой взгляд задержался на прямой спине, опущенных плечах, и я с безнадежностью понял, что в очередной раз потерпел неудачу. Рахина не желала продолжения, путь уже и без лишних, чужих чувств. Пусть даже зная, что теперь можно получить чистое удовольствие, без слез и отчаяния. Она не хотела, чтобы я ее жалел. Резко поднявшись, я тоже отвернулся, молча надел штаны и набросил рубашку. Постоял, глядя через окно во внутренний дворик с яркими клумбами и звонким фонтаном, потом все же негромко произнес:

— Спасибо, Рахина.

Больше я ничего не мог сделать для нее, увы. На душе оставался мерзкий осадок, как всегда после таких моментов, и я малодушно сбежал из этой спальни, где еще таились отголоски чужого горя. Что ж, думаю, самое время сейчас отвлечься и заняться поисками нужных сведений в архиве. Это поможет не думать об оставшейся в спальне заплаканной девушке с несчастливой судьбой.

Глава 2

В комнате не было окон, только тяжелая дверь, открыть которую мог лишь один человек — хозяин покоев. Он сейчас стоял перед ней, босиком на мягком ковре, покрывавшем каменный пол, в одних штанах, и блики от масляных ламп красиво играли на подтянутом, мускулистом теле, очерчивая рельеф мышц. Сразу было видно, что мужчина уделяет много времени тренировкам, следит за собой и не позволяет появиться на боках ни грамму лишнего жира. А еще он был сильным, очень. При каждом движении мышцы напрягались, перекачивались под смуглой кожей, и любая красotka много отдала бы за возможность провести по ним пальцами, ощутить их крепость. Мужчина стоял, чуть расставив ноги, и с отстраненным любопытством разглядывал полностью обнаженную девушку, наблюдавшую за ним без всякого выражения на бесстрастном лице. Тоненькая, едва оформившаяся фигура, аккуратная маленькая грудь, темный треугольник волос внизу живота. Руки расслабленно висят вдоль тела, подбородок поднят, а в прозрачно-голубых глазах — пустота. Ничего, мужчина был уверен: скоро в них появится выражение, которое он так любил, — страх и покорность.

— Говорят, ты девственница? — спросил хозяин, легонько похлопывая по ноге тонким кожаным хлыстом.

— Да, — коротко ответила девушка.

— Господин, — резко произнес мужчина и нахмурился. — Ты должна называть меня «господин», поняла?

— Да, господин, — так же без всякого выражения ответила она.

Его глаза прищурились, на губах мелькнула усмешка.

— Ты будешь выполнять все, что я скажу, — негромким мягким голосом произнес он.

— Да, господин, — повторила девушка свой прежний ответ.

На мгновение во взгляде мужчины мелькнула досада, но тут же пропала.

— Значит, тебя никто не касался? — продолжил он расспросы, обойдя вокруг нее, и остановился за спиной.

Кончик хлыста медленно прошелся вдоль позвоночника, едва касаясь, и девушка еле заметно вздрогнула. Усмешка на лице хозяина стала довольной: его собственность знала, что такое хлыст, несомненно.

— Касался, господин. — Ответ девушки удивил мужчину.

— Вот как? — хмыкнул он и без предупреждения ударил, хлестко, наотмашь.

На гладкой, белоснежной как мрамор коже отпечаталась красная полоса, и девушка вздрогнула сильнее, но не издала ни звука. Что ж, он и не надеялся, что с первого раза получится добиться от нее чего-то. Однако времени у него предостаточно, торопиться некуда. Он предпочитал растягивать удовольствие, и на сей раз игрушка ему досталась очень подходящая.

— Значит, твой прежний хозяин не брал тебя, как обычно? — как ни в чем не бывало уточнил он, уже предвкушая предстоящее изысканное наслаждение. — Расскажи, — потребовал мужчина.

— Он хотел, чтобы я доставляла ему удовольствие, — послушно начала говорить девушка. — Так, как он приказывал.

— И как же он приказывал? — вкрадчиво спросил господин, прижавшись к ней сзади, и

его ладонь по-хозяйски устроилась на груди игрушки, довольно чувствительно сжав ее.

— По-разному. — На ее лице не отразилось ничего, лишь в глазах мелькнуло странное выражение. — Ртом, руками, иногда он связывал и хотел, чтобы я кричала от боли...

— А тебе было больно? — тут же переспросил мужчина, прижавшись теснее, так что девушка отчетливо почувствовала ягодицами уже твердый член, даже через ткань штанов.

Его пальцы крепко сжали розовый сосок, и она снова вздрогнула.

— Да, — ответила она по-прежнему бесстрастно. — Но я умею терпеть; хозяин иногда требовал, чтобы я молчала, что бы он со мной ни делал.

— Очень хорошо, — так же вкрадчиво произнес мужчина, его ладонь поползла ниже, к животу. — Раздвинь ноги, — приказал он.

Она послушно выполнила, и его пальцы уверенно скользнули в кудрявую поросль, погладив нежные складочки. Конечно, она была еще не готова, но это легко исправить. Реакции тела не подчиняются разуму, это мужчина знал отлично, и даже если у нее нет никаких чувств, это еще ничего не значит. Появятся. Уж он позаботится. Палец безошибочно нащупал мягкий бугорок, погладил его, и снова — едва заметная дрожь, прокатившаяся по телу девушки. Улыбка мужчины стала шире, палец продвинулся дальше, проникая внутрь узкого, тесного и горячего лона, а другая рука продолжала ласкать грудь — он мял и пощипывал сосок, пока тот не затвердел и не стал темно-розовым, похожим на крупную ягоду. Ее немедленно захотелось попробовать на вкус, прикусить зубами и услышать, как тоненько вскрикнет игрушка... Позже. Не сейчас.

Палец проник еще глубже и уперся в преграду — девушка не солгала, она действительно оставалась невинной, по крайней мере, в этом месте точно.

— М-м-м, как интерес-сно, — мурлыкнул мужчина, вынув палец и продолжив ласкать девушку. — Тебе нравится то, что я делаю? — требовательно спросил он, умело поглаживая мягкую плоть.

— Мне... приятно, господин, — чуть сбившись, ответила она, ее дыхание уже участилось, к удовольствию хозяина.

В его глазах вспыхнул предвкушающий огонек, мужчина отстранился и, ухватив ее за плечо, резко развернул. В глубине комнаты находились самые разнообразные приспособления, порой причудливые конструкции, явно предназначенные для развлечений на грани, — об этом говорили наручники и набор плеток и хлыстов на стене. А еще тут же стояла широкая кровать с кованым изголовьем, к которому очень удобно тоже привязывать или пристегивать...

— Сюда, — повелительно бросил мужчина и подвел девушку к узкому короткому столу между четырьмя столбиками.

На ближних из них внизу тоже виднелись наручники — видимо, для ног, как отстраненно подумала игрушка. У дальнего конца стола на одном уровне располагалась непонятная подставка, навверное, под голову, как опять же предположила девушка. Страх она не испытывала, как и других эмоций. У нее их просто не было. Все, что ей сейчас доступно, — это лишь ощущения тела. Мужчина между тем подвел ее вплотную, развернул лицом к конструкции и, надавив на шею, заставил лечь животом.

— Вытяни руки, — последовал очередной приказ, и игрушка послушно его выполнила.

В следующие мгновения ее запястья оказались пристегнуты к дальним столбикам, а подбородок устроился на той самой подставке. Для чего — она уже догадывалась. Впрочем, подобное ей было не впервой. Стол стоял немного под наклоном, так что ее попка оказалась

поднята, и пола касались лишь кончики пальцев, а голова находилась ниже. Через минуту и на лодыжках защелкнулся прохладный металл, зафиксировав ее ноги широко раздвинутыми. Она оказалась полностью беспомощной и открытой и, будь обычной девушкой, наверное, испугалась бы и впала в панику от неизвестности и странных приготовлений. Но... Она ничего не чувствовала. Ничего.

Хозяин обошел стол и присел перед ней на корточки, ухватив темные волосы и намотав их на кулак, оттянул назад, так, чтобы их глаза оказались на одном уровне, и отчетливо произнес:

— Я хочу, чтобы ты молчала, что бы я ни делал. Ни звука, иначе за каждый лишний стон будет наказание. Поняла? — Он чуть прищурился, сжав волосы сильнее, наслаждаясь своей властью над беспомощной игрушкой.

— Поняла, господин, — отозвалась девушка, принимая правила игры.

Ей не впервой было сдерживаться, такие приказы она получала часто в прошлой жизни. Нынешняя, судя по всему, не сильно будет отличаться, и это... приносило определенную уверенность в завтрашнем дне. Девушка посчитала, что это хорошо — не придется заново подстраиваться под обстоятельства и учить новые правила.

Мужчина, отпустив ее, медленно обошел вокруг стола, разглядывая нагое тело, снова провел хлыстом по спине, где алел след от предыдущего удара, и лениво улыбнулся. Он мог делать с ней все, что ему захочется, и она будет покорно выполнять. Осознание этой простой истины наполнило его пьянящим ощущением вседозволенности, предвкушением и нетерпением. О, как же долго у него не было таких игрушек! Приходилось быть очень осторожным и сдерживаться — обычные девушки долго не выдерживали, а слишком частые смерти привлекли бы ненужное внимание. Приходилось отпускать, наигравшись, тайком переправлять, безвольных, сломленных, в караваны торговцев, проходивших через Феир: дальше уже их судьба мужчине не заботила. Теперь же... Она в его полном распоряжении, бессрочно, и никто не отнимет. Никто не хватится, никому она не сможет рассказать, пока не спросят, — а даже если спросят, он научит, как она должна отвечать. И не слушается.

Мужчина облизнулся, потом взмахнул хлыстом, и первую отметину перечеркнул второй красный след, а игрушка лишь дернулась беспомощно в путах, зазвенев наручниками. И ни звука. Что ж... Он остановился сзади, рассматривая раскрытое кораллово-розовое лоно, влажно поблескивавшее в свете светильников. словно ждавшее прикосновений, манившее своей незащищенностью и открытостью. Кончик хлыста приласкал поясницу, спустился дальше, между чуть раздвинутых ягодиц, и пощекотал нежную плоть. Реакция последовала сразу же — мышцы рефлекторно сжались, девушка напряглась. Тихонько хмыкнув, мужчина убрал хлыст, присел на корточки и снова провел большим пальцем, мягко надавливая, раздвигая, массируя чувствительный бугорок. Бедра девушки дернулись навстречу, она задышала чаще, но по-прежнему оставалась молчаливой, к удовлетворению хозяина. Пока он не хотел слышать ее голос...

Складочки увлажнились, отчего на его губах появилась довольная усмешка, и палец скользнул дальше, внутрь, растягивая тугие мышцы. Он не мог видеть лицо девушки, но был уверен, ее зрачки сейчас резко расширились, а рот приоткрылся. Ничего, он еще успеет насмотреться на ее лицо, а проверить, как она владеет своим ротиком, — и подавно. Не стоило смешивать все грани удовольствия в одну кучу, о, нет, не стоило. Он хотел насладиться сполна, неторопливо, вкусить каждый оттенок отдельно. Мужчина вытащил палец, облизнул его и зажмурился: восхитительный тонкий вкус, чуть терпкий, сладковатый.

Раздвинув мягкие лепестки, он наклонился и провел языком, собирая выступившую влагу, смакуя и наслаждаясь. Девушка снова дернулась, бедра подались навстречу — значит, такая ласка ей тоже знакома, видимо, прежний хозяин баловал. Чуть сморщившись от собственных мыслей — думать о том, что этого тела касались другие руки и губы, было неприятно, — он на мгновение замер. Сейчас она принадлежала ему, полностью, и никакой другой мужчина не коснется ее! Только если он разрешит.

Губы плотно прижались к ароматному лону, он слегка втянул трепещущий кусочек плоти, поиграл языком, и его палец снова проник в игрушку, глубоко, почти до самой невидимой преграды. Девушка задрожала под его руками, и ладонь хозяина сильно сжала ее ягодицу, а зубы слегка прикусили горячий бугорок. От собственных действий возбуждение плеснуло в кровь жаром, прилило к низу живота, заставив член моментально закаменеть. А от девушки вдруг донесся едва слышный, невнятный всхлип, и мужчина возликовал: вот оно! Наконец-то... Он отстранился, выпрямился, и хлыст моментально оказался в его руке. Облизнув губы, хозяин мягко провел по гладкой спине, уже покрывшейся испариной, и негромко проговорил:

— Я же просил молчать, сладкая. Непослушная девчонка! — Он вскинул руку, раздался свист воздуха, и третья полоса легла на мраморную кожу, ярко алая на ней, как клеймо.

Она выгнулась в своих оковах, снова молча, и мужчина понял: ему подарили идеальную игрушку. Его собственное дыхание сбилось, мышцы скрутились в тугой горячий узел, от вспыхнувшего желания обладать этой покорной девочкой, попавшей к нему в руки, сознание мутилось, оставляя только чистые инстинкты. Подчинить. Ворваться в эту узкую, жаркую плоть, вбиваться в нее, пока она не сорвется и не закричит под его руками, не забьется от наслаждения — или боли. Это уж как он сам решит. А может, от того и другого. Мужчина резко выдохнул, положил хлыст рядом и подошел вплотную. Чуть спустил штаны, освобождая напряженный до боли член, прижался к влажной, ждавшей его плоти и наклонился, не торопясь проникать, растягивая это мучительное ожидание. Его ладони легли на спину девушки, неторопливо провели вниз, до тонкой талии, и замерли на упругой попке.

Хозяин нагнулся еще ниже и скользнул языком по красному следу, с наслаждением ощущая, как напряглась под этой болезненной лаской игрушка, как сорвалось ее дыхание.

— Тебе больно? — ласково спросил он, выпрямившись, и потерся между ее ног, чувствуя жар, горевший в этом месте.

— Да, господин, — пробормотала девушка, но эмоций в ее голосе он снова не расслышал.

Он звучал так же ровно, как и в самом начале их развлечений. Глаза мужчины прищурились, он взял хлыст, и на его губах снова появилась предвкушающая усмешка. Но хозяин не торопился, нет. Сначала надо прояснить один очень важный момент... Он медленно провел головкой по манящим складочкам, совсем чуть-чуть вошел в горячую глубину, почувствовав, как сразу сжались мышцы, и негромко поинтересовался:

— Почему прежний хозяин оставил тебя девственницей? Это было важно для него?

— Н-нет, господин, — пробормотала слегка невнятно девушка, и оттого, как ее бедра качнулись ему навстречу, у мужчины чуть не сорвало самообладание.

Он впился пальцами в мягкую попку, оставляя на нежной коже синяки, и сквозь зубы процедил:

— Не двигайся! — И она послушно замерла, тяжело дыша, только продолжала мелко дрожать. — Тогда почему он не тронул тебя вот так? — Член вошел еще немного, проникая в

тугую глубину дальше, и хозяин комнаты едва удержался от того, чтобы не сделать резкое движение до самого конца.

До него донесся прерывистый вздох, он мгновение колебался, расценивать ли это как нарушение его предыдущего приказа, и решил пока повременить. Все же у них важный разговор. Мужчина остановился, стиснув зубы и удерживая бедра девушки неподвижно, дожидаясь ее ответа.

— Ему... нравилось, что я остаюсь девственницей, — произнесла она слегка хриплым, но по-прежнему ровным голосом. — И что он проделывает со мной... всякое... оставляя нетронутой...

Задумчивый взгляд хозяина остановился на алебастрово-белых полушариях, слегка раздвинутых, между которыми так заманчиво темнел еще один вход. Может, не рисковать? Вдруг прежний хозяин намеренно не говорил девчонке всего, и ее невинность как раз важна?

— А другие? — отрывисто спросил он, чуть-чуть выйдя, так чтобы головка все же оставалась в ней.

Палец коснулся тугих мышц, погладил, а потом надавил, проникая внутрь еще и сюда. Игрушка тут же напряглась, сжалась, тело не желало пропускать, отреагировав рефлекторно на вторжение, и на губах мужчины мелькнула усмешка. Останавливаться он не собирался, и палец толкнулся дальше, преодолевая сопротивление, и одновременно хозяин все же вышел, скользнув членом по нежным складочкам, заставляя игрушку расслабиться.

— Он-ни н-не все... — выдавила она из себя, тело не хотело подчиняться пикантной ласке на грани грубости. — Только... я... и еще две... — Голос девушки звучал напряженно.

Хм. Если так... И все же надо проверить. А пока можно и по-другому развлечься. Мужчина ненадолго оставил в покое попку игрушки, снова проник в нее двумя пальцами, собирая выступивший сок желания, и вернулся к прежней цели. Теперь, увлажненные, они быстрее справились с сопротивлением, и мужчина, с предвкушением ухмыльнувшись, чувствительно шлепнул по белой ягодице, оставляя на ней ярко-красный след. Девушка дернулась, но промолчала — умница, помнила его первый приказ. Он медленно продвинул пальцы дальше, в совсем узкий проход, второй ладонью обхватил свой каменно-твердый член и прижал его к мокрому, горячему лону.

— Тебе нравится то, что я делаю? — спросил он, уже предполагая, каким будет ответ и его следующие действия. — И не ври! — чуть повысив голос, предупредил он, вновь сжав ягодицу.

— Н-нет, господин, — сдавленно выговорила игрушка. — Мне... неприятно...

Показалось или нет, что на сей раз в ее голосе мелькнула даже не тень, а тень тени какой-то эмоции? Неужели так быстро? Мужчина резко выдохнул и присоединил еще один палец, расширяя проход. Вот он и нашел первое слабое место, и какое удачное! Если и в остальном она оправдает его ожидания, это будет... чудес-сно. Девушка вздрогнула сильнее, и на сей раз ее тело отреагировало по-другому: она заерзала, попытавшись отодвинуться, а мышцы сжались сильнее вокруг его пальцев, пытаясь вытолкнуть. До него донеслось натужное сопение, видимо, она очень старалась удержаться от звуков. Какая восхитительно послушная-непослушная, он же приказал ей не двигаться!

— Не дергайся, я сказал! — резко произнес мужчина и больно ущипнул такую беззащитную, мягкую попку.

Одновременно его пальцы так же резко проникли дальше, наверняка причиняя ей определенное неудобство, и все вместе дало желанный результат: девушка тихо вскрикнула,

выгнувшись, ее лопатки встали торчком. Больше он терпеть не мог. Убрав руку, схватил хлыст, еще раз пройдясь по спине игрушки, заставив ее снова задрожать всем телом и невнятно всхлипнуть, а потом, пошире разведя мраморно-белые ягодицы, одним сильным движением вошел в тугую глубину, сразу на всю длину. Игрушка его порадовала, хотя он явно сделал ей больно, судя по тому, как судорожно сжались мышцы, зажимая его член, сию секунду избавиться от него. Тело мужчины пронзила первая сладкая судорога удовольствия, но не хватало еще кое-чего, самой малости. Он лег на девушку, придавив ее к скамейке, ухватил за волосы, оттянув голову и повернув к себе, и встретился взглядом с глазами игрушки. В них и правда остался только бездонный колодец расширенного зрачка, лицо покраснелось, а искусанные губы припухли и приоткрылись. Дышала она тяжело, хрипло, то и дело облизываясь, и у него от непристойных картинок аж живот болезненно подвело при виде этого маленького влажного ротика.

— Больно? — проникновенно спросил он, обведя пальцем контур ее губ, и чуть шевельнул бедрами, дав почувствовать себя.

Она моргнула, потом тихо отозвалась:

— Д-да, господин...

— Тебе не нравилось, когда прежний хозяин делал это с тобой? — продолжил он выпрашивать, желая убедиться, что она не врет и не пытается угодить ему.

Ведь доставить ей удовольствие не было его целью.

— Н-нет, господин, — послушно ответила она, и мужчина понял: не врет. — Но он делал это часто... — к его искренней радости, добавила девушка, снова облизнувшись.

Его улыбка сделалась шире, а палец скользнул в ее ротик — она тут же послушно сомкнула губы, угадывая его мысли. Умная девочка, очень.

— И я тоже буду, — ласково сообщил он, потом оттянул еще голову, открывая шею, и провел по ней влажным пальцем. — А теперь — кричи, милая. Я разрешаю.

Он выпрямился, крепче ухватился за бедра девушки и начал двигаться. Сильно, резко, стараясь проникнуть как можно глубже, а она... да, закричала. И вскрикивала каждый раз, как он с силой входил, грубо раздвигая мышцы, тоненько и беспомощно, как зверек, попавший в капкан. Ей было больно, да, он знал, больно и неприятно, и осознание этого многократно усиливало его нараставшее удовольствие, накатывало горячими волнами, заставляло вновь и вновь рывками двигаться, все ускоряя темп. Узкая, тугая глубина сжимала его крепче, крики девушки стали срываться на всхлипы, и мужчина с упоением представил, как по нежному личику стекают прозрачные капли, и можно даже помечтать, что в них наконец-то появились отблески настоящих эмоций.

Хозяин комнаты еще пару раз чувствительно шлепнул ее попку, уже покрывшуюся синяками от его действий, а когда от особо сильного проникновения игрушка вскрикнула особенно пронзительно, жалобно, его накрыло жарким ураганом. С губ сорвался хриплый стон, все существо на миг напряглось, замерев на самой грани, а потом настал долгожданный момент освобождения, и реальность на несколько мгновений померкла в бесшумной, яркой вспышке. Длинно выдохнув, он прикрыл глаза, расслабленно улыбнулся, и его пальцы погладили поясницу девушки — ее кожа оставалась влажной от выступившей испарины, она мелко дрожала и тяжело дышала. Постояв еще пару секунд, мужчина отстранился, поправил штаны и наклонился над игрушкой, мягко поцеловав ямочку чуть ниже талии. Потом присел, расстегнул оковы на ее лодыжках, обошел и освободил тоненькие запястья.

— Встань, — негромко скомандовал мужчина, отошел и сел в мягкое кресло, стоявшее рядом с изножьем кровати.

Плеснул себе вина — бутылка стояла на столике у кресла, — сделал глоток, наблюдая, как девушка неуверенно поднимается, тяжело опираясь на столешницу; длинные темные пряди завешивали лицо, не давая рассмотреть его выражение. Наконец она выпрямилась, но голову не поднимала, и пришлось снова отдать приказ:

— Подойди.

Она остановилась рядом, и взгляд мужчины неторопливо оглядел изящное хрупкое тело.

— Посмотри на меня, — скомандовал он снова, и игрушка послушно выполнила.

Отстраненное лицо, но на щеках — влажные дорожки, как он и предполагал, и губы искусаны. Он прищурился от удовольствия, отпил еще глоток и кивнул.

— Ты себя сегодня хорошо вела, молодец, — негромко заговорил мужчина. — Я хочу, чтобы каждый раз перед выходом из этой комнаты, что бы здесь с тобой ни происходило, ты благодарила меня на коленях. Поняла?

— Да, господин, — отозвалась она ровно и без напоминания опустилась на пол, положив ладони на бедра и глядя ему в глаза. — Спасибо, господин.

Ленивая улыбка появилась на губах мужчины, он в несколько глотков допил вино, потом нагнулся и ухватил девушку за подбородок.

— Я очень рассержусь, если ты кому-то расскажешь, — тихо произнес он, в его глазах полыхнул недобрый огонек. — Я запрещаю тебе говорить о том, что происходит в этой комнате, поняла?

— Поняла, господин, — послушно повторила она без всяких эмоций.

Он помолчал, внимательно изучая бесстрастное, но, бесспорно, красивое лицо. Куколка. Идеальная игрушка.

— И я запрещаю тебе дотрагиваться до себя, — добавил он, погладив пальцами ее губы. — Удовольствие ты будешь получать только от меня. Если я захочу, — усмехнулся мужчина.

— Хорошо, господин, — покорно ответила девушка, не сводя с него глаз.

Отпустив ее, хозяин комнаты встал и небрежно махнул рукой:

— Можешь подняться. Приведешь себя в порядок, примешь ванну и переоденешься, а потом мы пойдем гулять, я покажу тебе город.

Как же хорошо, что к месту, где он жил, Чувства не прислушивались! Оно слишком близко к собору, и слишком часто тут происходят всплески самых разнообразных эмоций, чтобы отслеживать еще и их. Тем более исходят они от тех, кому Чувства сами поручили защищать и помогать сохранять гармонию в душах людей. Можно позволить себе очень многое с этой хрупкой малышкой... Мужчина согнал с лица предвкушающее выражение: не надо, чтобы кто-то его видел, иначе начнутся неудобные вопросы. Он столько времени удачно скрывал свои маленькие увлечения, не хотелось бы сейчас попасться на мелочи.

Архив находился в дальней части дворца, в подвальном помещении, и войти туда могли только Каратели. Магия защищала бумаги от сырости и плесени, а за порядком следили мы сами — для нашего же удобства. На полках стояли книги и лежали свитки, ярлыки указывали тематические разделы, освещался архив ровным светом ламп, вспыхивавших, как только здесь кто-то появлялся. Около большой картины, изображавшей вид из окна, стояли стол и удобное кресло — если требовалось сделать записи. На удивление, помещение мрачным не

выглядело, несмотря на каменные сводчатые потолки и отсутствие окон и дневного света.

Здесь была всего одна просторная комната, сам по себе архив небольшой: основные книги хранились в городской библиотеке, а здесь — только те, которые не стоит читать обычным жителям. Ну, и бумаги, которые время от времени попадали к нам от всяких странных личностей вроде Собирателя Чувств — сумасшедшего, помешанного на идее собрать все чувства в единый накопитель и управлять ими самолично, играясь людьми, как куклами, по своей прихоти сталкивая их и наделяя теми чувствами, какими ему бы хотелось. Я поежился, передернув плечами. Именно для этого ему и нужны были Бездушные — чтобы отнимать у людей чувства, оставляя их опустошенными; большинство очень скоро умирали, не выдерживая такого существования.

Отвлекаясь от тяжелых воспоминаний о выслеживании и поимке Собирателя, я подошел к нужной полке и взял несколько тетрадей в кожаных обложках — личные записки сумасшедшего, найденные в Костяной башне, его логове. Признаться, я в них не заглядывал, не имея никакого желания читать изыскания психа по части изъятия чувств у людей, но точно знаю: их изучали в соборе — для того, чтобы избежать повторения в будущем и знать, за чем следить. Неслышно вздохнув, я устроился в кресле и открыл первую тетрадь, лежавшую сверху. Страницы были покрыты аккуратным четким почерком, без клякс; пробегая их взглядом наискосок, я старался не углубляться в пространные размышления Собирателя о жизни, своих намерениях и странных выводах, что чувства — это величайшая ценность, драгоценность и вместе с тем идеальное оружие, с помощью которого можно управлять людьми. Мне все эти бредни сумасшедшего были совершенно неинтересны. Я искал сведения о Бездушных.

Они нашлись во второй тетради — как я понял, это был сборник практических записок об экспериментах. И да, в том числе и о таких, как Финира. Вот тут я уже стал читать внимательнее, постаравшись отгородиться от эмоций и воспринимая только сухой остаток сведений. Лучше бы я держал любопытство в узде...

Собиратель выбирал юных девушек не старше двадцати лет, и выбирал он их тщательно, после долгого наблюдения. Его жертвами становились жизнерадостные, счастливые, жившие в достатке и любви. Он предпочитал невинных, еще не познавших плотских радостей, — без особого подтекста, просто ему так нравилось. Ну и они еще не успели разочароваться и познать первую горечь взрослой жизни. Утвердившись в своем выборе, Собиратель начинал действовать. Он медленно, постепенно убивал в них всё светлое, все надежды, мечты и... чувства. Он незаметно вмешивался в их судьбу, используя подставных лиц, действуя руками других, разрушая ее, даруя вместо радости — горе, вместо счастья — боль, вместо любви — ненависть и горечь предательства. Он приводил их к тому, что жизнь не имеет смысла, что чувства в ней лишние, они только мешают и приносят отчаяние и страх. Собиратель подводил их к самой черте, за которой уже не оставалось ничего, и только потом приходил к ним лично, соблазняя сладким ядом обещаний, что он сделает так, чтобы им было хорошо. И уводил в Костяную башню, опустошенных, безразличных ко всему, потерявших всех: родных, близких, друзей, а порой и возлюбленных, — и там забирал их души. Готовый сосуд для его действий.

А потом становился их единственным хозяином и повелителем, даруя им то немного, что они еще могли испытывать. Примитивные ощущения, не более. Физическая близость, причем зачастую в извращенных формах, которая позволяла Бездушным ощущать лишь боль или наслаждение, их восприятие колебалось между двумя понятиями — приятно или

неприятно, и все. Они могли лишь ненадолго вместить чужие чувства, забрать их по велению Собирателя, принести ему и отдать в его накопитель, где он смешивал всё в чудовищный коктейль. А они снова оставались пустыми и безучастными к окружающему, готовые действовать лишь по мановению руки своего хозяина и повелителя. Идеальное оружие. Те, кто мог бы жить и наслаждаться жизнью, если бы не странное желание сумасшедшего подчинить себе все чувства.

Любовь была права, они заслуживали шанса начать все сначала, если таковой существовал.

Я с отвращением отодвинул тетрадь Собирателя — больше копать в этом не было никакого желания. Он так смаковал подробности, как ломал жизни и калечил души девушек... Меня аж передергивало, и к горлу поднимался ком тошноты, особенно после описаний, что Собиратель делал с ними потом, причем он еще и тщательно описывал реакцию своих персональных игрушек. Я поставил локти на стол, прислонился лбом к сложенным в замок пальцам и прикрыл глаза, глубоко вздохнув. В груди теснился клубок эмоций, требовавших выхода, и на первый план вышло настойчивое желание оживить мерзавца и убить его снова особо изощренным способом. А потом мысли скакнули к той, которую мне оставили в наследство от Собирателя.

Финира. Интересно, какой она была раньше? Смешливой хохотушкой? Застенчивой скромницей? Улыбчивой, радостной, живой? Где жила, какая у нее была семья? Впрочем, как сказала Любовь, это все уже не имеет никакого значения, прежний хозяин стер ее жизнь, оставив лишь чистый лист. И на нем можно заново написать историю Финиры, вдохнуть в нее жизнь, сделать живой. Не такой, какой она была раньше: конечно, я этого не мог знать, да и, наверное, не узнаю никогда. Искать тех, кто как-то был связан с ней, — дело долгое, утомительное и бесполезное. Все равно прежней она никогда не станет. А вот какой же будет новая Финира — зависело теперь только от меня, и в душе росла уверенность, что я приложу все усилия, чтобы это случилось. Разбужу ее, да. И не только потому, что за нее попросила Любовь, что это мое задание — их мне хватает и на основной службе. Теперь я сам хотел увидеть, как она улыбается, услышать, как смеется. Никто не имеет права ломать жизнь таким страшным способом, и Финира вряд ли заслужила такую судьбу.

Я решительно поднялся, положил дневники обратно на полку и направился из архива. Недавний осадок после общения с Рахиной почти растворился, меня полностью захватил азарт предстоящей трудной задачи, но теперь на место растерянности и недоумения пришли другие чувства. Я сделаю это, покажу Финире другую жизнь, докажу себе, что умею не только отнимать, но и отдавать. Пусть не свои чувства, но все-таки. Примерить на себя роль учителя в таком деликатном деле — интересный опыт, да и, помимо всего прочего, мне в самом деле было искренне жаль Финиру, прошедшую через все это и в результате потерявшую себя, пусть не по своей воле.

Едва я вышел из дверей — увидел Риммера, с озабоченным лицом шагавшего к архиву. Мы поравнялись; я усмехнулся, кивнув за спину:

— Тоже просвещаться идешь?

— Ну а что. — Рим пожал плечами и с досадой почесал затылок. — Надо ж понять, с чего начинать.

Я засунул руки в карманы, окинул его задумчивым взглядом. Широкоплечий, выше меня на полголовы, со светлой, вечно растрепанной шевелюрой и серьезными серыми глазами. Почему-то к нему подходило слово «надежный». Риммер выглядел простаком, эдаким недалеким увальнем, не обиженным силушкой, но на самом деле глупым его назвать было сложно. Немногословный — да, это есть, и манеры грубоватые — Риммер происходил из простой семьи, — но не глупый уж точно. Когда ловили Собирателя, это ему пришлось в голову, где может находиться Костяная башня.

— Удачи. — Я склонил голову, пропустив его к двери. — Если что обнаружишь,

поделишься?

— Поделюсь, — покладисто ответил Рим. — Только пока сам не знаю, что с ней делать. — Он поморщился.

— Как и все мы, полагаю, — со вздохом отозвался я. — Ладно, увидимся.

— Ага, — кивнул Рим и спустился по ступенькам к двери.

Ну а я поспешил в свои покои за Финирой. Покажу ей дворец для начала, а потом в собор сходим. Заодно и поговорим, попробую поспрашивать ее, вдруг расскажет что-нибудь интересное. На мгновение кольнула неприятная мысль: а как Финиру примут остальные девушки — увы, особой дружбы в моем гареме не было, — и я еще ускорил шаг. Вряд ли моя новая гостья умеет постоять за себя, ведь раньше ей хозяин говорил, что делать, и жизнь была простой... Возможно, в ее понимании.

Переступив порог своих покоев, покосился на столик — он был пуст. Ну и хорошо, надеюсь, больше сегодня никаких заданий не будет и мне дадут спокойно пообщаться с моей подопечной. Чуть улыбнувшись, я направился на женскую половину, невольно прислушиваясь. Тишина нарушалась только журчанием фонтанов во внутреннем дворике да чириканьем птиц; голосов я не слышал. В общей гостиной тоже никого не было, и, признаться, я почувствовал облегчение. Да, я не очень любил общаться с девушками, живущими со мной, по многим причинам. Поначалу пытался наладить отношения, хотя бы дружеские, но быстро понял, что не выйдет. Слишком уж специфическое общение у нас складывалось, учитывая, для чего они мне были нужны. Поэтому оставил все в рамках вежливой заботы об их нуждах да иногда приглашал кого-нибудь прогуляться или пообедать-поужинать со мной. Этого вполне хватало.

В гостиной я дернул шнурок звонка, вызывая Чали, и, когда экономка явилась, спросил:

— Где ты Финиру устроила? Как она, нормально?

— Пройдемте, господин Аллард. — Чали наклонила голову и пошла к дверям. — Да, устроила, дала ей Бьони, девочка смышленная, шустрая, — по пути докладывала она. — Портниха к ней приходила, с вашего позволения, ведь вещей у госпожи никаких нет. — Экономка вздохнула. — А что с ней такое, господин Аллард? Молчаливая она какая-то, тихая, безразличная ко всему. Жалко ее. — Сердобольная Чали снова вздохнула.

— Несчастье у нее случилось, — негромко ответил я. — Большое несчастье, Чали. Но я помогу ей, не беспокойся. Постараюсь, — поправился, не желая давать напрасных обещаний.

Да, приложу все усилия, но насколько они будут удачными, знать я не мог. Мы прошли длинной галереей с тонкими резными каменными колоннами, на которую выходило несколько дверей — за ними располагались комнаты других девушек. Финиру Чали определила в дальнюю, и я молча одобрил ее выбор: наверное, пока стоит погодить с представлением моей подопечной остальным. Пусть освоится, опять же, гардероб ей сделают, а то, кроме того платья, в котором она ко мне попала, больше вещей у Финиры не было. Ох, да у нее вообще же ничего своего нет! Я только открыл рот, чтобы попросить Чали побеспокоиться об остальных мелочах для гостьи, но потом задумался, взявшись за ручку двери и не торопясь входить. Другие девушки сами покупали себе все необходимое, им выделялась сумма на карманные расходы. Иногда я что-то дарил, но по мелочи и скорее из вежливости. Просить же Чали сходить по магазинам с Финирой, чтобы она могла выбрать себе необходимое, значило отрывать экономку от основных обязанностей, которых ей хватало. Ну а навязать общество одной из девушек, причем совершенно незнакомой, было бы

верхом глупости с моей стороны. Значит, оставалось одно решение.

Я нажал ручку и вошел без стука, как привык. Двери в женской половине замков не имели, понятное дело, однако опасаться краж не стоило. Слугам платили достаточно хорошо, чтобы они не зарились на чужое, ну и, честно говоря, особых ценностей, по крайней мере у меня, уж точно не было. Что ж, я все равно собирался показать Финире дворец, тогда уж заодно и в город выедем ненадолго — за покупками. Что-то мне подсказывало, одну ее выпускать не надо и смысла особого не будет: вряд ли девушка сможет сама совершить покупки. А войдя в просторную светлую гостиную, второй дверью выходящую в один из бесчисленных внутренних двориков с цветами и фонтанами, я остановился, озадаченно уставившись на занятую картину.

На низеньком диване сидела Финира все в том же белом платье, с безучастным лицом, рядом — портниха, худая нескладная женщина с растерянным видом, а вокруг них лежали в художественном беспорядке платья и отрезки ткани. Чуть в сторонке стояли помощницы, две молоденьких девушки, с любопытством косившиеся на Финиру и свою хозяйку.

— О, господин Аллард, вы вовремя! — с явным облегчением встала портниха. — Я... в некотором затруднении, признаюсь. — Она отвела взгляд, ее щеки слегка покраснели.

— Что случилось? — Я бросил взгляд на Финиру, чьи глаза внимательно, но без всякого выражения смотрели на меня.

— Госпожа не хочет ничего выбирать, — расстроено сообщила портниха, затеребив кончик пояса, и упорно не смотрела на меня.

Мои брови поползли вверх. Вот как. Интересно. Я заложил руки за спину и посмотрел на гостью.

— Финира? — мягко обратился к ней. — Объяснишь?

— Мне все равно, что носить, господин, — ровно ответила она. — В чем захотите...

— Аллард, — чуть резче, чем хотелось, перебил я ее. — Называй меня Аллард, Финира, не надо господинов.

— Хорошо, Аллард, — послушно, без запинки произнесла Финира.

Почему-то от ее тона меня чуть не передернуло, в душе завозилось глухое раздражение. Ну хоть капля эмоций, хоть тень. Нет, лицо девушки оставалось бесстрастным. Красивое, притягательное, и, если бы его оживили чувства, улыбка, блеск глаз — от Финиры бы взгляда не отвести было. Но — кукла, послушная воле хозяина. Я зажмурился и тряхнул головой, выгоняя нехорошие мысли. Никаких кукол и хозяев, хватит с нее. И так натерпелась. Я улыбнулся девушке, запрятав подальше раздражение.

— Финира, пожалуйста, выбери себе одежду, — попросил я, не собираясь уступать. — Какая тебе нравится.

Ведь что-то от ее прежней личности должно остаться, хоть какой-то кусочек.

— Мне? — переспросила Финира, и я интуитивно приготовился услышать удивление. Его не было. — Как скажете, Аллард. Я выберу.

Пришлось стиснуть зубы и сделать пару глубоких вдохов. Она все равно приняла мои слова как приказ, пусть сделанный в мягкой форме. Так, ладно, не все сразу, не в первый же день. Мне, похоже, тоже придется учиться терпению с Финирой.

— Я хотел бы поехать с тобой в город, — продолжил я как ни в чем не бывало. — Подожду тебя в общей гостиной, Чали проводит. А потом я покажу тебе собор, — добавил, внимательно наблюдая за ней.

— Да, Аллард. — Финира наклонила голову, и толстый золотистый локон мягко

скользнул по гладкой щеке.

Тут же захотелось отвести его, заправить за маленькое аккуратное ушко, но я сдержал порыв. Нет, с нежностями подождем, хотя очень хотелось обнять, погладить по голове и уверить, что все будет хорошо. Ведь когда-то Финира была другой, умела улыбаться и смеяться, грустить и радоваться. И я верну ей все это, чего бы мне это ни стоило. Неслышно вздохнув, кивнул.

— Хорошо. — Потом посмотрел на портниху. — Помогите Финире с выбором, пожалуйста, — попросил на всякий случай — вдруг у моей гостьи в ее нынешнем состоянии проблемы с понятиями «нравится — не нравится».

— Да, господин Аллард. — Портниха кивнула.

Я вышел из комнаты и направился в общую гостиную; почему-то меня не покидало странное ощущение предвкушения, и улыбка не хотела уходить с губ. Будет интересно наблюдать, как Финира будет делать покупки, ведь я предоставлю ей самой возможность решать, что выбрать. Начинать надо с малого: пусть попробует ориентироваться именно в своих желаниях, а не оглядываться на мое одобрение или недовольство. А там, глядишь, дело сдвинется с мертвой точки. Присев в кресло, я потянулся к вазе с фруктами, ожидая Финиру. Любопытно взглянуть на нее в другом наряде, кроме этого белого балахона, что был на ней. И, не сомневаюсь, портниха не подведет. Кинул в рот сочную дольку персика, запил прохладным соком из графина, стоявшего тут же, и расслабленно откинулся на спинку. Недавнее посещение вдовы отошло на задний план, подернулось тусклой дымкой, чему я только радовался, отвлекшись на другие, насущные дела. Обычно после подобных заданий отходил несколько дней, не меньше, еще и гадкое чувство вины перед Рахиной примешивалось.

Теперь же мои мысли занимали только Финира и предстоящая поездка. О, думаю, это будет очень познавательно во всех смыслах, и интересно тоже...

— О, господин Аллард, я не ожидала встретить вас здесь, — ворвался в мои радужные мысли приятный, мелодичный голос.

Я резко выпрямился и обернулся: Шиарра. Она всегда двигалась бесшумно, как кошка, и на нее же была похожа. Высокая, гибкая, черноволосая, с раскосыми кошачьими глазами цвета янтаря и мягкой улыбкой. Едва поймал порыв досадливо поморщиться — только ее мне сейчас не хватало здесь. Но быть грубым с девушкой только потому, что она не вовремя вышла из своих покоев, — это уже верх невоспитанности. Я вежливо улыбнулся и кивнул.

— День добрый, Шиарра, — благожелательно поздоровался, стараясь не сильно коситься за ее спину, на вход в гостиную.

Она плавной походкой подошла ко мне, не сводя пристального взгляда, в котором таились легкая неуверенность и напряженность, присела на краешек дивана. Разгладила тонкий шелк платья и спросила:

— Я слышала, вы привели новую девушку, господин Аллард?

Постановка вопроса мне очень не понравилась, как и вообще интерес Шиарры к Финире. Прищурившись, посмотрел на нее; мелькнула невеселая мысль, что не везет мне с женщинами, — к моему несчастью, эту девушку угораздило влюбиться в меня, кажется, по-настоящему, и если та же Рахина не искала моего общества чаще, чем этого требовали ее специфические обязанности, то Шиарра при каждом удобном случае старалась попасться на глаза. Даже зная, что я ничего не могу ей дать сверх того, что между нами существовало на данный момент. Любовь нельзя заставить появиться по желанию, а оказывать знаки

внимания из жалости — это даже хуже откровенной лжи.

— Финира — гостья, — спокойно ответил я, и мелькнула мысль, что надо бы попросить экономку поставить Бездушной на дверь защелку.

Я не питал иллюзий насчет Шиарры — с нее станется подстраивать мелкие гадости, если она заметит, что я уделяю Финире внимания больше, чем остальным девушкам. Знала ведь: серьезно наказать не смогу, и выгнать — тоже... Безнадежная ситуация, как ни крути. Мне без Шиарры не обойтись, и она это прекрасно понимает, чем и пытается пользоваться. Услышав мой ответ, она подняла брови; на лице мелькнула озадаченность, а потом оно снова стало замкнутым и настороженным.

— Гостья? Вы редко водите к себе гостей, господин Аллард, — небрежно заметила девушка, снова нервно проведя пальцами по складке на юбке. — Особенно таких.

Ей я сознательно не позволял называть себя просто по имени, не желая сокращать расстояние между нами. Как бы жестоко это ни выглядело со стороны.

— Шиарра, — мягко заговорил я, но с предупреждающими нотками. — Я не обязан отчитываться тебе в своих действиях. И если сочту нужным, я познакомлю тебя с Финирой. Но если узнаю, что ты ей надоедаешь, — прищурился и на мгновение задумался, чем же можно пригрозить упрямой, — ты больше не увидишь меня, кроме тех моментов, когда мне будет требоваться твоя помощь. Ты поняла? — Дождавшись растерянного кивка Шиарры — раньше я сквозь пальцы смотрел на ее мелкие пакости, да и в последнее время она вела себя прилично, поняв, что ни к кому из девушек в моем гареме я не питаю сколь-нибудь серьезных чувств, — я закончил мысль: — А я узнаю, Шиарра. Мы договорились? — Я пристально глянул на нее.

Она опустила глаза на руки и молча кивнула.

— Простите, господин Аллард, мне в самом деле не стоило лезть в ваши дела, — сдавленно пробормотала Шиарра и, поднявшись, поспешно вышла из гостиной.

Посмотрев ей вслед, я нахмурился, в груди завозилось беспокойство. А не сглупил ли, так явно показав особый статус Финиры? Я же толком и не знаю, какая Шиарра, на что она способна всерьез...

Мои размышления прервала появившаяся гостья, и пришлось срочно изгонять с лица хмурое выражение — не хочу, чтобы Финира заметила мою нервозность. А увидев результат усилий портнихи, я, признаться, приятно удивился. Простое шелковое платье с длинными широкими рукавами из полупрозрачной золотистой ткани в тон всему наряду очень шло ей, освежая и придавая особую прозрачность зеленым глазам. Пшеничные локоны свободно лежали на плечах, и, глядя на Финиру, я невольно ожидал, что она вот-вот улыбнется немного смущенно, может, ответит взгляд или как-то еще выразит эмоции.

— Вам нравится, Аллард? — ровным голосом спросила она, сложив руки перед собой и не опустив головы, бесстрастно глядя на меня.

— А тебе? — задал я встречный вопрос, поймав себя на том, что, несмотря на немного неестественное поведение Финиры, все же люблюсь девушкой.

Улыбка ей, несомненно, пойдет.

— Мне? — переспросила она, и я кивком подтвердил правильность моего вопроса:

— Тебе, Финира.

Она оглядела себя, провела ладонями по платью, и на миг на отстраненном лице мелькнула тень задумчивости. Неужели?!

— Мне приятно быть так одетой, — чуть помедлив, все же ответила она, и я

возгордился, как юнец, добившийся от своей зазнобы первого робкого поцелуя в щечку.

Уже хорошо, что она понимает хотя бы, что может быть ей приятно, а что нет. На этом тоже можно сыграть, и заодно есть с чего начинать. Все-таки что-то она может если не чувствовать, то ощущать, пусть на уровне таких простых понятий.

— Хорошо. — Я улыбнулся и поднялся, потом подошел к ней. — Тогда пойдём, у нас по плану — прогулка по городу.

Про магазины я сознательно не стал говорить, пусть будет сюрпризом. Посмотрю, как Финира отреагирует на предложение зайти и купить что-нибудь. Остановившись рядом с гостьей, я взял ее изящную кисть и положил себе на локоть, искоса глянув: как поведет себя? Но, видимо, на ближайшее время она исчерпала свой скудный запас чего-то, похожего на отголоски эмоций. Финира смотрела перед собой, ее рука расслабленно лежала на моем предплечье, и со стороны мы, наверное, выглядели очень неплохо. Если бы не бесстрастная маска на красивом лице.

Для прогулки я решил выбрать открытый двухместный экипаж, не зная, умеет ли Финира ездить верхом. Да и удобнее, если мы собираемся еще и за покупками. И хотелось, чтобы она начала привыкать ко мне. Я помог Финире забраться по ступенькам, поднялся следом и сел рядом с ней, постаравшись не помять юбку ее нового платья. А потом, даже не раздумывая о причинах собственного поступка, взял прохладную ладошку и положил на свою, рассматривая красивые длинные пальцы и аккуратно подстриженные ноготки. Почему-то мелькнула мысль о музыкальном инструменте — у Финиры руки, предназначенные для музыки. Арфа, гитара или пианино очень бы ей подошли, как мне кажется. Я медленно провел по изящной кисти и, ни на что особо не надеясь, спросил свою спутницу:

— Финира, ты когда-нибудь играла на музыкальных инструментах, не помнишь?

Она ответила не сразу, словно в самом деле пыталась вспомнить.

— Нет, Аллард, — произнесла она, и я поймал себя на том, что уже почти не вздрагиваю от ее ровного голоса и сам пытаюсь добавить в него эмоций.

Вот здесь, пожалуй, подошла бы задумчивость.

— Прежний хозяин не давал мне никаких инструментов, — добавила Финира.

Руку она не убрала, из чего я заключил, что мои прикосновения не вызывают у нее неприязни. Надеюсь на это. Я продолжил легонько поглаживать бархатистую кожу, обводил чуть выступавшие косточки и ловил себя на том, что мне нравится прикасаться к руке Финиры.

— И что же ты делала, когда... не была занята? — Я чуть запнулся, подбирая слова, чтобы избежать упоминания того, в чем состояла роль моей гостьи в ее прошлой жизни.

Что она убивала, забирая чувства людей, оставляя их опустошенными оболочками без души, не знающими, как дальше жить, и предпочитавшими самый простой выход — смерть. Незачем возвращаться к тому, что уже закончилось и никогда не повторится. Я очень постараюсь, чтобы Финира забыла все, что было с ней раньше, и у нее появились другие воспоминания, хорошие, добрые, светлые.

— Ждала хозяина у себя, — просто ответила Финира, ничуть не смутившись моего вопроса.

— Просто ждала? — удивился я, покосившись на ее отстраненное лицо.

— Да, — подтвердила она.

— Не читала, не рисовала, ничем не занималась? — зачем-то дотошно уточнил я.

— Нет, хозяин не разрешал, — пояснила Финира.

У меня в голове не укладывалось, как можно просто сидеть без дела и ждать, пока тебя позовут или придут к тебе. Это... чудовищно.

— Я понял, — кивнул я и откинулся на спинку сиденья; мой решительный настрой показать Финире другую сторону жизни лишь укрепился.

Обязательно — музыкальный салон. Пусть посмотрит, вдруг что-то вспомнит, вдруг в жизни до Собирателя она все-таки имела дело с инструментами. И предложить ей порисовать, вдруг понравится. Хотелось добавить в ее жизнь ярких красок, во всех смыслах. Между тем мы выехали с территории дворца, и экипаж неторопливо покатился по широким улицам Феира, мощенным светло-желтым булыжником. Мне нравился мой город с его домами из песчаника всех оттенков желтого, от насыщенного янтарного до бледно-золотистого, отполированного до прозрачности. Каменные арки входов, увитые цветущими растениями, ведущие в маленькие дворики перед богатыми особняками, разноцветная плитка и мозаика на стенах, витражи в окнах — все вместе составляло удивительно гармоничный ансамбль. В него вписывались разнообразные запахи пряностей, когда мы проезжали мимо кондитерских и булочных, какао, кофе, благовоний — это уже из маленьких часовен, посвященных кому-нибудь из Чувств, конечно же, тонкий аромат цветов. Феир был похож на разноцветный шелковый ковер с причудливым узором, которым не устаешь любоваться.

Разумеется, на главном проспекте, прямой стрелой начинавшемся от моста, ведущего на остров собора, расположились дома самых влиятельных жителей города и самые дорогие и модные магазины с витринами. Я поглядывал на Финиру, пока мы ехали, по пути рассказывая про Феир, она слушала, но все с тем же отстраненным видом, не проявляя особого интереса. А ее рука так и лежала в моей ладони, уже теплая, согретая моими прикосновениями, живая, мягкая. Мы проехали почти весь проспект, не остановившись ни у одного из магазинов, — не сюда я хотел привести Финиру, не в царство дорогих побрякушек. Почему-то казалось, здесь она ничего не найдет себе по душе, и дальше я попросил возницу свернуть к одному из ремесленных кварталов. В лавках зачастую можно найти удивительные вещицы, пусть и не украшенные изумрудами и рубинами, но очень милые и не менее красивые. Мне нравилось там бродить, но, увы, я почти ничего не покупал — дарить некому. Твердо знал: никто из девушек в моем гареме не оценит эти вещи, в лучшем случае вежливо поблагодарят и забудут в дальнем углу на полке. Так что я просто бродил по этим лавочкам и наслаждался созерцанием, иногда радуя себя какой-нибудь покупкой.

Мы свернули на небольшую улочку, я попросил остановиться и повернулся к Финире.

— Ты не против дальше пешком прогуляться? — спросил ее, внимательно глядя в глаза.

— Если вам угодно, Аллард, — ответила она.

Я внутренне поморщился, но понял, что пока бесполезно добиваться большего.

— Если устанешь — скажи, — попросил я, справедливо полагая, что моя гостыя не приучена к высказыванию своих желаний и будет молчать, а значит, нужно обозначить, что со мной она может говорить о них свободно.

— Хорошо, — коротко отозвалась Финира, приняв мою протянутую руку и выйдя за мной из экипажа.

Мы неторопливо пошли по тротуару, направляясь к одной из лавок, где продавали разные безделушки для женщин; я все поглядывал на девушку рядом со мной, пытаюсь уловить на красивом лице хоть какие-то проблески эмоций, но тщетно. О чем заводить разговор, я тоже пока не знал — разве что о ее прошлом до попадания к Собирателю?

— Ты помнишь, откуда ты? — негромко поинтересовался я, прижимая руку Финиры к себе.

— Нет, Аллард. — Она покачала головой, а потом, к моему удивлению, продолжила: — Только какие-то смутные картинки, которые я даже не знаю, к чему в моей прошлой жизни относятся.

Самая длинная фраза, какую я до сих пор слышал от Финиры.

— Хорошо, я понял. — Я свернул к ближайшей лавке и открыл перед девушкой дверь. — Заходи, — сказал, ничего не объясняя, и моя гостья, ничего не спрашивая, зашла внутрь.

В лавке вкусно пахло деревом, сушеными травами, всюду на стенах висели зеркала разных размеров, яркие коврики, еще всякие мелочи, предназначенные для создания уюта в доме. На полках и нескольких столиках стояли шкатулки, статуэтки, в коробках лежали ленты, заколки, кошельки и прочая мелочевка, расшитая бисером, украшенная тонкими чешуйками перламутра и эмали. За прилавком стояла невысокая худая женщина неопределенных лет с добрым улыбочивым лицом — хозяйка лавки. Все товары делала ее большая семья: она сама, дочери, муж, сыновья. Место, популярное среди жителей этого квартала, зажиточных торговцев, кузнецов, булочников и других респектабельных жителей, честно зарабатывавших свой хлеб.

У порога я придержал Финиру за плечи и наклонился к ее уху:

— Ты можешь взять здесь все, что тебе понравится. Я заплачу. Если ничего не глянется — ничего страшного, пойдем в следующую лавку. Поняла?

Она даже не вздрогнула, когда услышала мой голос, и не попыталась отстраниться. Замерла, молча дождалась, когда я закончу, а я вдруг поймал себя на том, что не могу отвести взгляд от маленького круглого ушка, розовой раковины, по краю которой так захотелось провести кончиком языка. Медленно, едва касаясь, и посмотреть, как отреагирует Финира.

— Да, Аллард. — Голос гостьи привел меня в чувство, и я выпрямился.

Даже если отреагирует, то это будет всего лишь физическая реакция, не эмоции. Приветливо улыбнувшись хозяйке лавки, я легонько подтолкнул Финиру, а сам остался на месте — наблюдать. Вмешиваться в процесс выбора не собирался ни при каких обстоятельствах, сколько бы она ни оглядывалась. Женщина вышла из-за прилавка, покосилась на меня и подошла к Финире.

— Вас что-то конкретное интересует? — спросила она, искренне собираясь помочь.

Я не остановил ее. Пусть Финира учится общаться с обычными людьми, наверняка и этого она не умеет.

— Не знаю, — честно ответила моя странная подопечная.

Хозяйка правильно поняла происходящее и не стала надоедать своим вниманием.

— Если что-то понравится — обращайтесь, подскажу, — улыбнулась она и отошла обратно к прилавку.

Бездушная оказалась предоставлена сама себе и своим желаниям, чего я и добивался. Она медленно пошла мимо столов, рассматривая вещи, но не прикасаясь к ним, словно в самом деле прислушивалась к себе и пыталась понять, нравится ей что-то или нет. А я задумался, делает ли она это потому, что я приказал — именно так она пока воспринимала мои просьбы, — или действительно ищет, что ей приглянется. Пока понять не представлялось возможным: вряд ли Финира сама до конца осознавала, какие мотивы ею движут, и мне уж точно не смогла бы объяснить.

А потом она остановилась перед очередным столом, где стоял ящик с разной

мелочевкой, и протянула руку, вытащив обычное ручное зеркало в серебряной оправе, украшенное мелким жемчугом неправильной формы. И ее лицо дрогнуло, по нему пробежала тень. Я с замиранием сердца увидел, что фарфоровая маска дала трещину, и заметил первую серьезную эмоцию — замешательство.

Она смотрела на зеркало, поглаживала жемчуг, но не видела своего отражения. Ее взгляд остановился. На серебристой поверхности словно возникла картинка светлой просторной комнаты с воздушным тюлем на окнах, расшитым золотой нитью, девушки, сидевшей спиной, с такими же золотистыми распущенными волосами, как у Финиры. Девушка держала зеркало. Точно такое же, какое сейчас было в пальцах самой Бездушной. А еще она смеялась — нежно, мелодично и удивительно легко.

— Мама, какая прелесть! Спасибо! — раздался в ушах Финиры голос, и в нем она узнала свой собственный, только полный эмоций, чувств, красок.

Девушка в отражении радовалась подарку, солнечному дню, да вообще жизни. Она была счастлива, у нее была мама, которая любила и баловала свою ненаглядную дочь. Кто она?.. Рука Финиры дрогнула, и Бездушная рывком вернулась в настоящее, осознала, что она стоит в лавке и держит простое зеркало в серебряной оправе, украшенной жемчугом. В груди странно жгло, будто внутрь положили молодой крапивы, воздуха не хватало, и девушка дышала часто и приоткрыв рот. Она позабыла, что не одна в лавке, что на нее смотрят, а полностью сосредоточилась на своих странных ощущениях. Она не понимала, что происходит, и, наверное, если бы умела чувствовать, испугалась бы. Или забеспокоилась. Правильные названия сами всплыли в голове, хотя вспомнить, как это, Финира так и не смогла. Но зеркало определенно что-то значило для нее в прошлом, что-то хорошее и светлое. Может, не конкретно это, просто очень похожее, но оно всколыхнуло воспоминания, давно похороненные в самой глубине подсознания.

Бездушная оглянулась, встретила внимательный и одновременно встревоженный взгляд Алларда. Он наблюдал за ней молча, скрестив руки на груди и без тени улыбки, и, едва увидел, что она повернулась, тут же негромко спросил:

— Финира? Все в порядке?

Девушка, помедлив, кивнула и снова опустила глаза на зеркало. Оно ей нравилось. Его было приятно держать в руках, и в нем отражалось ее лицо, вроде прежнее, но в то же время Финира отметила, что в нем что-то неуловимо изменилось. Что именно, она сказать не могла, однако всматривалась и всматривалась в свои глаза: ей чудилось, в их глубине затаилась тень... чего? Девушка вскинула голову, сжав пальцами ручку зеркала.

— Оно мне нравится, — вполголоса произнесла Финира, сделав окончательный выбор.

Ведь новый хозяин сказал ей выбирать то, что нравится. А когда Аллард с облегчением улыбнулся, девушка поняла, что он доволен ее поступком.

— Вот и отлично, — отозвался он и подошел к прилавку. — Что-то еще, может?

Бездушная обвела взглядом помещение, не задерживаясь на предметах, и медленно покачала головой. Ей неожиданно захотелось на свежий воздух, к свету, из этой полутемной комнаты, запахи сушеных цветов и другие — ткани, кожи, дерева — неприятно щекотали нос, и тянуло то и дело морщиться.

— Хорошо. — Аллард кивнул и достал несколько монет из кошелька. — Благодарю вас. — Он снова улыбнулся, теперь женщине, хозяйке лавки.

Потом подошел к Финире, положил ее ладонь к себе на локоть, и они вышли из лавки. И опять девушка подумала, что действия Алларда не вызывают у нее неприязни, ей не хочется отодвинуться или отобрать руку. А его подвижное, живое лицо, на котором Финира легко

читала эмоции, даже когда он старался сдерживаться, так и притягивало взгляд. Но Бездушная не знала, понравится ли это новому хозяину, а потому глядела прямо перед собой, крепко сжимая в другой руке зеркало.

Я пытался сдержать мальчишеское ликование и заталкивал упорно лезшие в голову вопросы поглубже. Это зеркало точно что-то для Финиры значило, я же видел, я заметил! Но эмоции мелькнули слишком быстро, ее лицо снова стало фарфоровой маской, а глаза — непроницаемыми ярко-зелеными окнами, за которыми ничего не разглядеть. Что ж, ладно, оставлю расспросы на потом, нас еще ждет посещение собора. Весь его точно не успею показать, он громадный, а вот несколько частей, например владения Радости и Счастья, — с удовольствием. Любовь — рано, Финира не готова еще. Вечером же можно спокойно посидеть в садике и попробовать расспросить мою подопечную, чем же так зацепило ее это простенькое зеркало.

То, как она сжимала его в руках, я подметил и даже не пытался уговорить отдать вещь. Пусть несет, если для Финиры это важно.

— Какие запахи тебе нравятся? — задал я нейтральный вопрос — мы подходили к парфюмерной лавке.

— Запахи? — переспросила девушка, и вот здесь должно было звучать удивление, которого не было.

— Запахи, ароматы, — я махнул рукой. — Ты разве не чувствуешь их? — уточнил на всякий случай, покосившись на спутницу.

— Чувствую, — кивнула она. — Я никогда не задумывалась, какие мне нравятся, — призналась Финира, и от ее слов в груди потеплело.

Она начала говорить, уже победа. Не односложно отвечать на мои вопросы или просьбы, а высказывать свое мнение. Ну или мысли. Я улыбнулся уголком губ и накрыл тонкие пальцы, лежавшие на моем локте. Пожалуй, следующее посещение будет интереснее.

— Сейчас зайдем еще в одну лавку, там много всего для водных процедур, — пояснил я, сворачивая в переулок. — Выбери, что тебе понравится, — повторил просьбу.

Финира наклонила голову:

— Хорошо, Аллард.

Я подавил вздох, открыв дверь в парфюмерную лавку, — не стоило и надеяться, что здесь меня ждут какие-то сюрпризы в поведении девушки, и так роскошный подарок с этим зеркалом получился. Нас окутало облако самых разнообразных ароматов: сладких, фруктовых, пряных, цветочных, свежих, хвойных, — я невольно поморщился и остановился у открытого окна в надежде уловить дуновение свежего ветерка. В этой лавке, в отличие от предыдущей, народу было побольше, женщины, конечно, и они громко переговаривались, обсуждали сорта мыла, шампуни, крема и прочие милые дамской душе штучки. Финира не стала подходить к прилавку, а пошла осматриваться: на столах стояли многочисленные корзинки с парфюмерными изделиями, и к моей подопечной сразу подскочила молоденькая помощница с вежливой улыбкой.

— Что желает госпожа? Шампунь, крема, мыло, может быть? Добавки для ванной? — прощепетала девочка на вид не старше шестнадцати лет.

Бездушная чуть повернула голову и бросила на меня непроницаемый взгляд, я ободряюще улыбнулся и кивнул, оставляя простор для действий. Пусть учится делать собственный выбор хотя бы на таком простом уровне.

— Шампунь, — кратко ответила Финира, потом, помолчав, добавила: — И мыло тоже.

— О, я знаю, что вам предложить! — тут же с воодушевлением заявила девчушка. — У нас как раз только сегодня появились очаровательные наборы для водных процедур! Вам какие запахи нравятся?..

Помощница увела Финиру в глубь лавки, и я внутренне напрягся, едва справившись с желанием последовать за ними. Нет уж, раз взялся учить ее жить в новых реалиях, надо держать слово. Да и она даже не оглянулась на меня, что одновременно и порадовало, и раздосадовало. Как-то уж очень быстро Финира учится быть самостоятельной... Или просто потому, что рядом щебетала помощница и можно не задумываться о собственном выборе? Я тряхнул головой, выныривая из дебрей размышлений, отыскал взглядом Финиру — она с девушкой стояла около одного из столиков и рассматривала набор в изящной маленькой корзинке, поднося к носу то мыло, то флакончик. А я так же пристально рассматривал ее красивое лицо — ну, вдруг мне повезет и на нем снова мелькнет хотя бы тень интереса?..

Нет, ничего, сдался я, — лишь вежливое любопытство: похоже, Финира его скопировала с лица одной из покупательниц. Ладно, пусть так, я не тороплюсь, не тороплюсь. В очередной раз посмотрев на подопечную, увидел, что она с корзинкой идет к прилавку, и поспешил присоединиться, чтобы заплатить. Закончив здесь, мы вышли обратно на улицу; я нес покупку Финиры и раздумывал, продолжить ли прогулку дальше или пойти в собор. Несколько мгновений поколебавшись, решил все же в пользу последнего — что-то подсказывало, что на сегодня покупок хватит. А вот досугом Финиры заняться стоило, и я обдумываю вечером, как это лучше сделать.

— Как тебе удобнее обратно, пешком или экипаж возьмем? — спросил я как ни в чем не бывало. — До дворца идти около получаса, если что.

Она пожалала плечами, неторопливо шагая рядом со мной и глядя вперед.

— Мне все равно. Я не устала, Аллард, — ответила девушка.

Что ж, ладно, тогда пешком.

— Мы сейчас оставим твои покупки и пойдем в собор, — озвучил я наши дальнейшие планы. — Я покажу тебе его изнутри. Ты же там не была нигде? — уточнил на всякий случай.

Мало ли, может, Чувства показали пленницам свои владения.

— Нет, только в темнице. — От прямолинейного ответа Финиры я едва не вздрогнул, вовремя вспомнив, что до недавнего времени Бездушные в самом деле были пленницами. — Но мы там недолго оставались, — добавила она, словно почувствовав мое состояние.

— Вот и хорошо, посмотрим собор, — преувеличенно воодушевленно произнес я. — Он красивый, очень.

Чуть не добавил было, что ей понравится, но вовремя вспомнил, с кем общаюсь. Хотя... Зачем я все время пытаюсь делать скидку на то, что Финира не такая, как все? Может, если буду обращаться с ней как с обычной девушкой, процесс излечения пойдет быстрее?

— Тебе понравится, — уверенно заявил я, покосившись на нее.

— Вы так думаете? — неожиданно отозвалась Финира.

— Да, — подтвердил я, стараясь не обращать внимания на наш странный диалог.

До самого дворца мы шли молча, но я поймал себя на том, что тишина не тяготит. Меня охватило умиротворенное настроение, я подставлял лицо солнечным лучам и жмурился, как довольный кот, а с моих губ не сходила задумчивая улыбка. Ощущение узкой ладошки Финиры на локте было таким естественным, что я сам не заметил, как моя рука накрыла

пальцы девушки. Когда впереди показался дворец, я осведомился:

— Ты проголодалась? Может, пообедаем перед собором?

— Да, я хочу есть, — к моей радости, честно ответила Финира.

Проходя по галерее мимо дворцового сада, я мельком заметил Корхилла — он шел по дорожке, приобнимая какую-то девушку за талию, кого именно — со спины я не видел, возможно, кто-то из его гарема. В отличие от меня, у Кора он был полным, на все чувства, но друг получал от этого больше удовольствия, чем я. Справедливости ради стоит сказать, что женщины охотно отвечали ему взаимностью. Покосившись на Финиру, заметил, как она тоже посмотрела в сторону Кора и его спутницы, и показалось даже, в ее глазах мелькнуло странное выражение... Но Бездушная уже отвернулась, и красивое лицо оставалось бесстрастным.

Я проводил Финиру до ее покоев.

— Хочешь переодеться или отдохнуть? — уточнил у гостьи, вручив ей корзинку.

— Нет. — Она покачала головой и посмотрела на меня. — А надо переодеться?

Мягко улыбнувшись, я повторил ее жест. Вот уж нет, Нира, принимать решения за тебя, равно как и приказывать, не собираюсь, привыкай.

— Если хочешь, — напомнил я свое условие насчет ее поведения.

— Не хочу. — Она взялась за ручку двери.

— Тогда оставь покупки и пойдем обедать, — невозмутимо предложил я.

Девушка ненадолго скрылась в комнате, а когда вышла, я заметил, что зеркало она взяла с собой. Как ребенок — любимую игрушку. В груди стало тесно от щемящего умиления, я едва сдержал порыв обнять Финиру и прижать к себе. Не хочу пугать, как и не желаю, чтобы она превратно истолковала мой порыв.

— Оно так сильно тебе нравится? — вполголоса спросил я и, взяв ее за руку, повел к столовой. — Зеркало?

— Да. — Только потому, что я слишком чутко прислушивался, подметил в ее голосе тень неуверенности. — Я не хочу оставлять его в комнате, — призналась Финира.

— Почему? — прямо спросил я, и сердце чуть сбилось с ритма от всплеска волнения: может, услышу что-то важное?

— Не хочу, чтобы оно пропало, — не совсем понятно ответила Финира.

— Во дворце не воруют, — попытался я донести до нее правила здешней жизни. — Здесь не принято брать чужое, ведь всегда можно купить такое же или попросить подарить, — пояснил я.

Она ничего не ответила, только на несколько мгновений сжала губы. Еще одно проявление эмоций? Может быть.

— Чем оно важно для тебя? — Я открыл дверь в столовую и пропустил Финиру.

Девушка зашла, оглянулась на меня, ее золотистые брови чуть нахмурились. Я замер, ловя это ощущение, — кажется, Нира сама не заметила движения своего лица, и выглядело это... очень естественно.

— Я что-то вспомнила, — медленно ответила Бездушная. — Не знаю, что это. Кажется, из прошлого. — Она говорила отрывисто, короткими предложениями, и голос звучал напряженно, хотя так же бесстрастно.

Странное, тревожное сочетание — вроде и без эмоций, но что-то проскальзывало, словно прорывалось сквозь густой туман забвения. Значит ли это, что чувства у Бездушных не отобрали, а просто заставили забыть? Загнали так глубоко, что без посторонней помощи

их не выгащить обратно? Очень, очень жаль, что о прошлом Финиры не узнать — все ниточки оборваны. Разве что сама что-то вспомнит и расскажет.

— Поделишься? — осторожно спросил, отодвинув ей стул. — Садись, — предложил замешкавшейся девушке.

Похоже, за ней раньше не ухаживали. Хочу или не хочу я знать, как с ней обращался прежний хозяин? Некстати вспомнились дневники этого сумасшедшего маньяка, и к горлу подкатил горький ком; я поспешно загнал нехорошие мысли поглубже. Не хочу, пожалуй. Сам расспрашивать точно не буду.

— Какая-то комната, светлая, девушка сидит спиной, кажется, она чему-то радуется и разговаривает с мамой. Это она подарила зеркало девушке, — Финира помолчала, а я дернул шнурок, вызывая Чали. — Она держит это зеркало и очень похожа на меня, хотя я видела ее со спины. Это все, — закончила моя гостья и посмотрела на меня.

Сдержанно, но мелькнуло ощущение, будто она ждала чего-то. Мама? Финира вспомнила свою маму? Точнее, подарок. Теперь понятно, почему она так в него вцепилась. Если в самом деле мать когда-то подарила ей похожее и если Финира ее любила, предмет способен дать толчок и воспоминаниям, и пробуждению чувств. Да уж, иногда случайности решают очень многое в нашей жизни.

— Если вспомнишь что-то еще — расскажешь? — спросил я, намеренно оформив просьбу вопросом.

Я ей не хозяин и не могу заставить делать то, чего она не хочет, и Финира должна научиться это понимать. Ответить моя гостья не успела — появилась экономка.

— Принеси нам, пожалуйста, обед, — попросил я.

— Конечно, господин Аллард, — с доброй улыбкой отозвалась Чали и вышла.

— Зачем вы хотите знать, вспомню ли я что-то еще? — Финира вернулась к нашему разговору.

— Мне интересно, — искренне признался я. — И я хочу помочь тебе, — добавил тоже истинную правду.

Бездушная помолчала, погладила лежавшее перед ней на столе зеркало; на ее лице не мелькнуло ни тени задумчивости.

— Хорошо, если я что-то вспомню, я расскажу, — ответила наконец она.

Наш обед тоже прошел в молчании, хотя я то и дело поглядывал на Финиру: может, она и на еду как-то среагирует? Когда Чали унесла пустые тарелки, я поднялся и протянул ей руку.

— Как тебе блюда? — все же спросил.

— Вкусно было. — Финира вложила пальцы в мою ладонь, забрала зеркало, и мы вышли из гостиной, направившись к мостику.

Ажурный, словно кружевной, он казался невесомым: ступи на него — и прогнется, коснется воды. Но нет, он был прочнее каменного, сотканный из магии. На поверхности озера кое-где росли радужные лотосы с разноцветными лепестками, над ними вились бабочки и стрекозы, а впереди вздымались стены собора, и от них будто исходило сияние.

— Тебе нравится тут? — Я обвел рукой озеро и остров.

— Красиво, — кивнула Финира и совершенно невпопад вдруг спросила: — Аллард, а зачем нужны Каратели? Убивать?

Я даже вздрогнул от такого предположения.

— Кто тебе это сказал? — сумрачно уточнил, покосившись на спутницу; настроение

сразу упало. — Твой прежний хозяин?

— Он говорил, что вы — самые страшные наши враги, и встреч с вами нужно избегать, — послушно ответила Финира. — Что встреча с Карателем несет смерть.

Я помолчал. В чем-то она права, эта девочка с искалеченным сознанием. Да, мы — убийцы, палачи тех, кто не умеет правильно распорядиться чувствами, кто обращает их во вред себе, даже те, которые призваны дарить счастье и радость. Но мы же — и лекари, призванные врачевать людские души, переполненные злобой, ненавистью, горем, отчаянием.

— Мы несем смерть только тем, кто по-настоящему опасен и неспособен вернуться к нормальной жизни, — наконец ответил Финире, тщательно подбирая слова. Я не хотел, чтобы она неправильно поняла меня. — Но мы не убиваем. Мы всего лишь забираем чувства.

Нира повернулась ко мне и посмотрела своими бездонными, непроницаемыми глазами, которые так хотелось наполнить светом улыбки и радости.

— Тогда чем Каратели отличаются от нас, Бездушных? — задала она следующий вопрос. — Мы тоже забирали чувства.

Она в самом деле не понимала, осознал я через мгновение.

— Вы отнимали их против воли людей, Финира, тем самым убивая без разбора, — тихо ответил я, погладив тонкие пальцы, лежавшие на моем локте. — И отдавали тому, кто вознамерился стать единоличным властителем людских чувств и решать, кого каким чувством наделить, а кого какого чувства лишить. — Я не смотрел на нее, не желая видеть фарфоровую маску вместо лица. Она все равно не поймет ничего из моих объяснений, тогда зачем я это говорю? — Мы всего лишь помогаем поддерживать равновесие и приходим, когда другого выхода нет.

— А Каратели кому отдают забранные чувства? — Финира каким-то образом ухитрилась задавать очень правильные вопросы, вдруг отметил я и все-таки покосился на нее.

Сосредоточенность. Наверное, так можно было назвать игру мышц на красивом лице, выглядевшую странно в сочетании с непроницаемым взглядом. Ровно в тот момент, когда я посмотрел на нее, Бездушная подняла голову, и наши глаза встретились.

— Так кому вы отдаете чувства, которые забрали? — повторила она свой вопрос, и показалось, Финира смотрит прямо в душу.

Я не отвел взгляда, не собираясь ее обманывать. Она пока не может меня судить, ну так пусть видит таким, какой есть. Не плохой, не хороший, просто... Каратель. Тот, кто помогает сохранять равновесие.

— Их забирают те, кто может их впитать, — честно объяснил как мог то, что происходило между мной и девушками из гарема. — А потом отпустить, не накапливая в себе. Это редкий дар, и проявляется он нечасто.

Дальше по мосту мы шли некоторое время молча, и я подумал было, что вопросы у Финиры закончились, но нет, ошибался.

— Прежний хозяин забирал у нас эмоции через близость, — заговорила она снова, глядя вперед. — У вас так же, да?

— Да, — кратко ответил я, вспомнив, что вычитал в дневнике того психа из Костяной башни.

Что именно он делал с Бездушными, чтобы изъять у них накопленные эмоции. Меня чуть не передернуло, и я поспешил добавить к своему ответу:

— Только я не издеваюсь над девушками, не связываю их, не бью и не... принуждаю. —

Перед последним словом запнулся, вспомнив дневную встречу с Рахиной.

Ну нет, принуждением я бы не назвал то, что произошло между нами! Там все сложнее. Мой взгляд скользнул по ажурным стенам собора, ставшим совсем близкими — мы почти перешли озеро. Мелькнула еще одна неожиданная мысль, когда я посмотрел на гладкую, безмятежную бирюзовую воду.

— Финира, ты умеешь плавать? — спросил, ступив на землю острова.

— Не знаю, — огорошила она ответом. — Хозяин не водил туда, где можно плавать.

— Хм, — я кашлянул, не спеша отпустить мысль от себя.

Список вещей, с которыми я собирался познакомить Ниру в надежде спровоцировать ее на эмоции, пополнился еще одним пунктом. Во дворце был свой закрытый пляж, выход на берег озера, где можно позагорать и покупаться и никто посторонний не увидит.

— Вы хотите, чтобы я научилась? — уточнила Финира, разглядывая собор.

— Посмотрим, — обтекаемо ответил я, спрятав улыбку и с облегчением переведя дух, радуясь, что девушка сменила тему.

Слишком уж серьезные вопросы она начала задавать, если честно. Тем временем мы подошли ко входу в собор и вступили под прохладные высокие своды. Финира оглядывалась все с тем же непроницаемым лицом, а потом снова начала расспросы, пока мы шли через просторный общий холл, тянувшийся вперед и украшенный рядами тонких резных колонн по бокам.

— Зачем Чувствам забирать лишнее у людей через вас? — Вопрос Бездушной чуть не застал меня врасплох, признаться. — Что они с этого получают?

— Они хотят, чтобы люди жили в гармонии с собой, — начал терпеливо объяснять я, свернув направо, в ту часть, где обитали Счастье и Радость. — Для этого и нужны Каратели. Чувства помогают людям стать немного счастливее в этой жизни. — Я все-таки улыбнулся уголком губ, покосившись на Финиру.

— Они — боги? — простодушно уточнила она, скользя взглядом по расписным стенам, мозаичным панно, витражам.

Я негромко рассмеялся, и как-то так само получилось, что мои пальцы погладили ладонь Финиры, лежавшую на моем локте.

— Нет, что ты. Это слишком громко. Чувства — это скорее проекции, воплощения. Они ощущают сильные всплески своих проявлений в городе и оставляют кому-нибудь из нас задание, — пояснил я.

— Как они появились в мире? — Финира проводила взглядом яркую птичку, бесшумно пронесшуюся над нашими головами — мы приближались к владениям Радости.

— Это бывшие жрицы богини, когда-то присматривавшей за нашим миром, — начал рассказывать я, пока мы неторопливо поднимались по широкой пологой лестнице, красивым завитком приникшей к мозаичной стене. — Ее имя не сохранили ни легенды, ни летописи. Так же, как и причину, по которой богиня покинула наш мир. Но перед уходом она решила, что нехорошо оставлять мир без присмотра. А еще она считала, что все беды людей — от несдержанности и чрезмерной эмоциональности. — Я помолчал, рассеянно скользнув взглядом по витражу на стекле. — Поэтому прежде, чем покинуть наш мир, богиня предложила своим жрицам принять от нее дар, воплощение одного из Чувств, и помогать поддерживать равновесие. Согласились все жрицы. — Я свернул в красивый арочный коридор, сделанный в виде оранжереи.

По стенам вились причудливые цветы, отделанные эмалью и полудрагоценными

камнями, среди них прятались и настоящие, наполняя воздух тонким ароматом; откуда-то доносилось тихое журчание воды — в конце коридора, если правильно помню, прямо из стены выбивался звонкий ручеек, красиво спадая из стока снаружи небольшим водопадом в маленький пруд внизу, во внутреннем двореке собора. В нишах прятались удобные диванчики, на которых можно посидеть, отдохнуть, насладиться тишиной и красотой этого места.

— И с тех пор они помогают поддерживать гармонию, — закончил я рассказ о Чувствах.

— Сколько их? — Пальчики Финиры осторожно коснулись стены, провели по выпуклым лепесткам, покрытым алой эмалью.

— Восемь. — Я продолжал внимательно наблюдать за подопечной, уже привычно пытаюсь уловить отблески эмоций на ее лице, и начал перечислять: — Радость, Счастье, Любовь, Печаль, Злость, Ненависть, Страх и Ревность.

— И со сколькими из них ты знаком? — Нира медленно шла по коридору, не отрывая свободной руки от стены, и не смотрела на меня.

— Со всеми, конечно, — уверенно ответил я, следуя рядом и поглядывая на спутницу. — Мы же общаемся...

— Ты не понял. — Девушка остановилась и повернулась ко мне, посмотрев прямо в глаза, серьезная и отстраненная. — Не с воплощениями. С настоящими чувствами. Ты знаком с радостью, счастьем? Печалью, злостью, остальными? Ты испытывал когда-нибудь любовь, Аллард?

Ее вопрос настолько обескуражил меня своей глубиной, что я не сразу заметил, что она обращается ко мне на «ты». Стоял и как дурак смотрел на нее, силясь найти подходящий ответ. Казалось, даже вода притихла, ожидая его, мир вокруг замедлился, грозя застыть каплей смолы в пространстве. Ох, девочка, что ж ты делаешь со мной, зачем так глубоко заставляешь заглядывать себе в душу? Или... На это и рассчитывала Любовь, вручая мне Бездушную?

— В той или иной степени — да, я знаком со всеми этими чувствами, — наконец медленно ответил я, не опуская взгляда. — Почему ты спрашиваешь?

Моя ладонь так же медленно поднялась и дотронулась ее лица, пальцы провели по гладкой теплой щеке. Немного странное ощущение: мне почему-то казалось, кожа Финиры прохладная, как фарфоровая маска. Хорошо, что впечатление оказалось обманчиво — прикоснуться к ней было приятно. А еще приятнее, что она не отшатнулась, не попыталась избежать моей внезапной ласки. И пусть лицо ее так и осталось бесстрастным, я подметил, как расширились зрачки в красивых, ярко-зеленых, как изумруды, глазах.

— Если ты не знаешь, что такое радость, как ты можешь научить меня чувствовать ее? — ответила Финира, и меня как пыльным мешком огрели по голове.

Я опустил руку, долго смотрел на Бездушную, понимая, что она права, как ни ужасно это звучит, потом без слов взял прохладные пальчики и повел дальше, во владения... Радости, да. Мы молча вышли из коридора на площадку ажурной витой лестницы, похожей на причудливое переплетение живых лиан с крупными бордовыми цветами, и начали неторопливо спускаться.

— Я знаю, что такое радость, — негромко заговорил я; настоятельная потребность донести до Финиры, что у меня получится, была сродни зуду, хотелось объяснить ей, что вдвоем мы справимся. — Я умею радоваться и с удовольствием это делаю, Нира. Это чудесное чувство, я уверен, ты и сама это скоро вспомнишь.

Да, вспомнит. Я намеренно использовал именно это слово, не веря, что Финира совсем не умеет испытывать чувства. Она просто забыла.

— А любовь? — Следующие слова Бездушной снова задели болезненные струны души. — Ты знаешь, что это такое?

Знаю ли? Какой очередной хороший вопрос, моя слишком проникательная девочка.

— Я любил своих родителей и до сих пор люблю папу, хотя мы редко видимся, — начал говорить я, глядя под ноги. — Люблю друзей — по-дружески, конечно, без всяких намеков. Да, Нира, наверное, я могу сказать, что знаю это чувство.

— А маму не любишь? — Такой немного детский, наивный вопрос, заданный ровным тоном, прозвучал странно, но уже почти привычно.

— Мама давно умерла. — Я пожал плечами. — Так что с печалью я тоже знаком, Нира. Спасибо, что сама решила обращаться ко мне на «ты», — неожиданно даже для самого себя поблагодарил я, покосившись на нее. — Мне приятно.

Кажется, я нащупал стиль общения, наиболее приемлемый сейчас, чтобы Финира лучше понимала, что и как ей делать, не спрашивая лишнего. Раз пока мы только в самом начале, будем отталкиваться от простых понятий на уровне «нравится — не нравится». С зеркалом вон как отлично сработало и с платьем тоже.

— А остальные? Ревность, злость? Ненависть? — Финира не собиралась оставлять меня в покое, похоже, вознамерившись до конца узнать, как у меня обстоит дело с чувствами.

Мы дошли до конца лестницы и остановились у двери, покрытой искусной резьбой, изображавшей разные сценки из жизни. Вот чья-то свадьба, вот рождение ребенка, а вот просто люди веселились на каком-то празднике. Можно было разглядеть мельчайшие детали, которые изобразил искусный резчик, хотя я склонялся к тому, что это магия, а не чьи-то руки. Уж слишком подробными были картинки.

— Давай пока остановимся на радости и счастье, — решительно заявил я и толкнул дверь, пропуская Финиру вперед. — Добро пожаловать в царство первой, Нира.

— Как тебя зовут? — с искренним любопытством спросила девушка, сидевшая рядом на скамейке.

Танния посмотрела на нее, отметив и точеную изящную фигурку, которую почти не скрывали полупрозрачные одежды, и нежные черты лица, обрамленные локонами цвета карамели. Серо-зеленые красивые глаза опушали длинные ресницы, а на гладкой коже лица словно кто-то рассыпал крошки от ржаного хлеба. Девушка была красива мягкой, деликатной, какой-то уютной красотой, которая всегда привлекала мужчин. И улыбалась она открыто и доброжелательно, глядя на безучастную Таннию. Лишь привычка подмечать малейшие детали позволила Бездушной уловить в самой глубине взгляда новой знакомой странное выражение, даже его тень, скорее. Настороженность. Или опасение? Или готовность в любой момент... что? Танния мысленно отмахнулась от вопросов: какая разница, что именно отражалось во взгляде собеседницы.

— Танния, — послушно ответила она.

— Ты новая девушка в гареме Корхилла, да? — продолжила расспросы собеседница и подхватила с блюда сочную дольку ананаса. — Ходят слухи, он сам тебя привел? — Она чуть понизила голос и подалась вперед; на лице промелькнуло любопытство.

Потом вдруг девушка виновато ойкнула и прижала ладошку к губам.

— Прости, я не представилась, — поспешно добавила она и снова улыбнулась. — Я Силанна.

Танния наклонила голову в вежливом приветствии. Они сидели в одном из внутренних садиков, на изящной скамейке с мягким сиденьем. Вокруг росли пышные кусты, на которых покачивались крупные бордовые цветы, распространявшие густой сладковатый аромат. Рядом со столиком журчал низенький фонтан с утопленной прямо в мраморном полу чашей, и ножки Силанны, освобожденные от туфелек, касались прозрачной воды, в которой плавали лепестки. День и правда выдался жарким, как отметила Танния, и, подумав, она последовала примеру Силанны, сбросив обувь и опустив пальцы в прохладную воду.

— А если не секрет, зачем ты ему? — продолжила расспросы Силанна, и в ее голосе проскользнуло легкое удивление. — Вроде у Корхилла для всех чувств девушки есть...

— Вот вы где, красавицы мои! — Их разговор прервался появлением самого Карателя, и Силанна, мило зардевшись, замолчала, опустив взгляд.

Танния опять отметила, как учащенно начала вздыматься ее грудь, как под полупрозрачной материей проступили темные горошины напрягшихся сосков — белья под платьем у Силанны не было, а глубокий вырез едва прикрывал соблазнительные полушария. Впрочем, здесь их никто посторонний увидеть не мог, во внутренние покои Карателей могли зайти только те, кого сюда приглашали сами хозяева, как пояснила Таннии экономка, помогая переодеваться.

— Корхилл! — тихо воскликнула Силанна, явно разволновавшись — об этом говорил и особый блеск, появившийся в глазах, и приоткрытые губы, которые девушка быстро облизнула.

— Здравствуй, Лани. — Каратель с нежной улыбкой посмотрел на девушку, потом взял ее ладонь, не сводя взгляда, и медленно перецеловал каждый пальчик. — Чудно выглядишь, радость моя. Смотрю, развлекаешь мою новую гостью? — Темная бровь поднялась, а в

голосе мужчины проскользнуло странное выражение, которое Танния не смогла распознать.

— Ну... — Та явно смутилась и прерывисто вздохнула, не торопясь высвободить ладонь — Корхилл так и держал ее в своей руке, словно в задумчивости поглаживая тонкие пальцы. — Я просто вышла во двор погулять, вижу — здесь Танния, — пояснила она и подняла взгляд на Карателя. — Что-то не так? — с легким беспокойством спросила она.

— О, все отлично, малышка, — успокоил ее Корхилл. — Я и сам хотел попросить не давать Тан скучать в одиночестве. — Он бросил рассеянный взгляд на скамейку, на которой могли уместиться только двое, на молчаливую Бездушную, наблюдавшую за ним и Силанной без малейших признаков эмоций на красивом лице. — К сожалению, я не смогу проводить с ней все свое свободное время. — Каратель посмотрел прямо в непроницаемые глаза цвета аквамарина.

Такие же холодные, как эти камни. Силанна поспешно поднялась, освобождая место и правильно угадав намерение Корхилла провести время с новой гостьей.

— Мне уйти? — уточнила она, обратив внимание на безучастность девушки, и это ее удивило: к Кору не оставалась равнодушной ни одна женщина от шестнадцати до восьмидесяти.

— Ты мне не мешаешь, — тепло улыбнулся Корхилл и наконец отпустил ладонь. — Я просто хочу пообщаться с Таннией. — Его взгляд вернулся к молча сидевшей Бездушной.

Поколебавшись, Силанна отошла и расположилась на небольшом возвышении с другой стороны фонтанчика, похожем на диван из мрамора, заваленный множеством ярких подушечек. Она легла, опершись на локоть, и взяла со столика раскрытую книгу, казалось, потеряв всякий интерес к происходящему совсем рядом. Корхилл же сел рядом с Таннией, положил руку на спинку, повернувшись к девушке, и внимательно взгляделся в ее лицо.

— Скажи, а другие тоже были такими же красивыми? — спросил он, улыбнувшись уголком губ.

— Да, — коротко ответила Танния, глядя ему в глаза. — Хозяин любил красивые вещи.

Корхилл склонил голову, его взгляд медленно скользил по девушке, словно оценивая: ее наряд, конечно, был скромнее, чем у Силанны, но тоже с довольно глубоким вырезом и из тонкой ткани. А белья под него ей не выдали, портниха сказала, принесет позже по ее меркам.

— Можно я прикоснусь к тебе? — Странная просьба Карателя вызвала бы у Таннии удивление, если бы она могла чувствовать.

А так Бездушная лишь пожала плечами.

— Хозяин никогда не спрашивал нас, — ответила она. — Если вы хотите — прикоснитесь.

Голос девушки звучал ровно, спокойно, и, лишенный эмоций, он был неестественным. Кор, казалось, не обратил внимания и медленно поднял руку. Его пальцы легко, едва ощутимо дотронулись до гладкой щеки, провели вниз, обрисовали контур губ, потом прошли по прямому носу. Корхилл разгладил брови Таннии и вернулся к губам, внимательно за ней наблюдая.

— Что ты чувствуешь? — тихо спросил он, поглаживая их, заставляя приоткрыться от такой деликатной ласки.

— Ничего, — честно ответила Бездушная.

Силанна при этих словах едва заметно вздрогнула, на несколько мгновений оторвалась от книги и покосилась на пару с удивлением. Чтобы кто-то так говорил о прикосновениях

Корхилла?! Невероятно... «Где он нашел эту девушку?» — тут же завозилось любопытство, и Лани поспешно вернулась к книге. Потом еще будет время пообщаться с Таннией, а пока лучше не мешать им — Корхилл явно пытается приручить новенькую.

Каратель же тихо хмыкнул, убрал руку и посмотрел на блюдо с фруктами. Выбрал половинку спелого сочного персика и поднес ко рту Таннии:

— Кусай. — Он как-то по-мальчишески озорно улыбнулся, его зеленые глаза хитро блеснули.

Бездушная не стала ничего спрашивать, лишь послушно потянулась и аккуратно взяла зубами фрукт, подчиняясь просьбе. Но она не учла, что персик окажется слишком сочным и сладкая жидкость потечет по подбородку, норовя капнуть на грудь. Танния поспешно втянула дольку в рот, но облизнуться не успела — судя по вспыхнувшему взгляду Корхилла, он именно на это и рассчитывал. Каратель придвинулся ближе, его указательный палец медленно стер каплю и оказался прямо около ее рта.

— Облизни, — почти шепотом попросил он, положив вторую руку на спинку скамейки вплотную к плечам Таннии.

Она, так же молча, обхватила губами подушечку и провела по ней языком, собирая сок, а потом слегка втянула и провела губами: встретившись с потемневшим взглядом зеленых глаз, Танния прекрасно поняла, что именно представил Каратель на месте пальца. А его участвовавшее дыхание лишь подтвердило ее догадки.

— Такая умелая, Тан, — слегка охрипшим голосом произнес Корхилл, наклонившись совсем низко к ней, и его ладонь легла на щеку девушке, не давая отвернуться.

Впрочем, она и не собиралась этого делать, терпеливо дожидаясь дальнейшего воплощения задумки Карателя.

— Можно я тебя поцелую? — выдохнул он, тихонько погладив большим пальцем бархатистую кожу.

Танния моргнула, совсем не ожидая услышать такой вопрос от нового хозяина. Раньше ее никогда не спрашивали, да и целовали вообще крайне редко. От Бездушной требовали совсем других умений. И где-то в самой глубине сознания шевельнулось что-то, непонятное пока ей, но определенно похожее на... чувство?.. Корхилл же мягко улыбнулся, снова погладил ее губы и обнял, прижав к себе.

— Я делаю что-то не так? — тихо-тихо спросил он, внимательно наблюдая за девушкой. — Тебе неприятна моя близость, прикосновения?

— Нет. — Танния покачала головой, поймав себя на том, что не может отвести глаз от зеленых омутов напротив.

— Ты не хочешь, чтобы я тебя поцеловал? — снова спросил Корхилл, его ладонь переместилась на затылок девушки, и пальцы зарылись в темные локоны. — Только скажи — я отпущу, Танния. Но лично мне бы хотелось попробовать твои губы на вкус, — выдохнул он, их лица разделяло уже совсем небольшое расстояние. — Ты не против?..

— Нет, — находясь словно в каком-то трансе, ответила Танния, послушно приподняв голову и подставляя приоткрытый рот.

Кор довольно вздохнул и аккуратно прижался к нему, придерживая голову девушки за подбородок и не торопясь углублять поцелуй. Он мягко провел языком по контуру губ, пощекотал уголок, а потом нежно втянул нижнюю, посасывая и лаская ее, чутко ловя любой отголосок реакции. Сначала Танния сидела неподвижно, давая ему делать то, что хотел, а потом Корхилл с внутренним ликованием ощутил, как по телу Бездушной прошла волна

дрожи, девушка подалась вперед, открыв рот чуть шире. Каратель на несколько мгновений отстранился и шепнул:

— Тебе понравилось, Тан? Скажи мне. — Его ладонь медленно провела по плечу, прикрытому полупрозрачной тонкой тканью, и спустилась на грудь.

— Это было приятно, — ответила она правдиво, не опуская головы и продолжая смотреть ему в глаза.

— Хочешь, я сделаю это еще раз? — Улыбка Кора стала искушающей, во взгляде появились искры. — А ты ответишь, м-м, Тан? Тогда и мне тоже будет очень приятно, милая.

— Хорошо, — покорно произнесла она то, что Каратель хотел услышать.

Ей в самом деле было приятно, она не соврала, и повторить хотелось — хотя бы для того, чтобы проверить, в самом ли деле тело отозвалось на поцелуй или показалось. Его губы снова прижались к ее, только в этот раз настойчивее, язык властно раздвинул рот, а ладонь обхватила полушарие и мягко сжала, массируя. Танния мельком отметила, что ее медленно наклоняют назад, на мягкую подушку, а потом отвлеклась на поцелуй — Каратель хотел, чтобы она ответила, а Бездушная привыкла быть послушной. Ее голова чуть откинулась, тело изогнулось, подставляясь под пальцы мужчины: он уже поглаживал ее грудь и сосок, красноречиво проступавший под тонкой тканью, и от прикосновений по коже гуляли щекочущие волны удовольствия. Танния включилась в игру, подавшись вперед и шире открыв рот, довольно уверенно целуя Корхилла, и тут она поймала себя на странном желании обнять его за шею, запустить пальцы в волосы так же, как он это делал с ней несколько минут назад.

Наверное, будь она обычной девушкой, так и сделала бы — целовался Каратель очень хорошо, и Таннии с каждым мгновением нравилось все больше, — но она не поддалась порыву. Ей ведь не сказали, может она прикасаться к новому хозяину или нет, и лучше не смелеть прежде времени: ее прошлый опыт подсказывал, что это может закончиться плачевно. А Таннии не хотелось портить эти минуты, в которые она чувствовала что-то хотя бы физически. А Корхилл не останавливался, поцелуй становился жарче, настойчивее, и краем сознания Танния отметила, что пальцы ласкают ее грудь уже без всякой преграды... Горячие, нежные и уверенные, они то едва ощутимо поглаживали, то мягко сжимали, причиняя острое удовольствие, и от него кожу покалывали сотни невидимых иголок. Сосок превратился в твердый розовый камешек, ставший слишком чувствительным, до болезненности, и когда Корхилл в очередной раз сдавил его подушечками, Танния не выдержала и тихо вскрикнула, зажмурившись и отстранившись от его губ.

И тут же замерла, распахнув ресницы и уставившись на Карателя. А он довольно улыбался, склонившись над ней, и ничуть не разозлился, что Бездушная прервала поцелуй.

— Расскажи, Тан, что ты... чувствуешь сейчас? — тем же тихим, проникновенным голосом спросил Корхилл, совсем стянув с ее плеча тонкую ткань платья и гипнотизируя взглядом глубоких, потемневших до цвета мха глаз.

Пауза в его словах не укрылась от внимания Таннии. Глубоко дыша и часто сглатывая — Каратель не прекращал своих действий, — Бездушная начала мелко дрожать от нараставших ощущений, сладких, приятных. Их хотелось продлить, они стекали юркими горячими змейками к низу живота и сворачивались там, то и дело жаля острыми вспышками и заставляя мышцы судорожно сжиматься.

— Мне... хорошо... — шепотом ответила Тан, снова поймав себя на странном желании запустить пальцы в темную шевелюру Корхилла.

А еще хотелось прикоснуться к его лицу, погладить щеку. Ощутить тепло его кожи,

шелковистость волос. Ей вообще нравилось дотрагиваться до предметов и чувствовать хотя бы на таком уровне; где-то глубоко в сознании теплилась даже не мысль — отголосок, — что из ее жизни пропал очень важный и ценный кусок, который она никак не может вспомнить. Вдруг этот человек, ее новый хозяин, Каратель, поможет ей в этом?

— Тогда на сегодня хватит с тебя сильных ощущений, — неожиданно произнес Корхилл и выпрямился, заботливо прикрыв ее грудь полупрозрачной тканью.

Конечно, все равно напрягшиеся бугорки сосков провокационно просвечивали сквозь нее, и дыхание Бездушной никак не желало успокаиваться, отчего грудь высоко поднималась. Но она послушно села, сложив руки на коленях, и выжидающе посмотрела на нового хозяина. Краем взгляда Танния отметила, что та девушка, Силанна, бросила читать и смотрела на них широко распахнутыми глазами, ее рот приоткрылся, а губы были влажными и сочными, словно она их покусывала. Девушка явно наблюдала за происходящим, и ее ладонь была крепко зажата между коленями.

— Давай пройдемся по дворцу, я покажу его тебе, — как ни в чем не бывало предложил Корхилл, поднявшись и протянув руку Таннии. — А потом вернемся и пообедаем, идет?

— Как скажете, — послушно наклонила голову Бездушная и ухватилась за его ладонь, поднявшись со скамейки.

— Силанна, идем с нами? — неожиданно пригласил вторую девушку Каратель и оглянулся на нее.

Та просияла, радостно улыбнулась и отложила книгу, поспешно встав с мраморного дивана.

— Спасибо, Корхилл! — Она остановилась рядом, заглянув ему в лицо и словно дожидаясь чего-то.

Каратель обвил талию Таннии, прижав ее к себе, а другую руку предложил Силанне — она с явным удовольствием положила узкую кисть на его локоть.

— Ну, начнем, пожалуй, с озера, — заявил Корхилл и направился к выходу из сада. — Тан, ты умеешь плавать? — неожиданно спросил он. — Там есть отличный пляж, уединенный и закрытый, а вода в озере очень теплая, — понизив голос, добавил Каратель, и в его словах Таннии почудился какой-то другой подтекст.

Она покосилась на нового хозяина, наткнулась на его улыбку и чуть прищуренный взгляд и поняла, что правильно угадала крившийся в них намек.

— Я не знаю, умею ли плавать, — честно призналась Тан. — Место, где я жила раньше, было далеко от воды.

— Что ж, не беда, проверим, — невозмутимо кивнул Корхилл. — Выход к озеру через общий холл, туда выходят двери всех покоев Карателей... — начал он рассказывать, когда они вышли из сада в крытую галерею с красивыми стрельчатыми окнами, украшенными витражами.

Танния озиралась по сторонам, рассматривая расписанные яркими красками стены, удивительно тонкую и красивую резьбу по камню — словно кружево, хрупкую и казавшуюся прозрачной, — мозаику на полу и стенах, ажурные арки, многочисленные растения в кадках, и ловила себя на том, что ей нравится то, что она видит. Здесь все было живое, дышало и искрилось, легкие сквознячки колыхали полупрозрачный тюль, которым были завешены некоторые дверные проемы, сквозь окна лился мягкий солнечный свет, отражаясь в отполированном мраморе и камне. Красота дворца Карателей по сравнению с мертвым, застывшим очарованием Костяной башни, где Танния жила до того, как ее привели сюда,

была гораздо ярче и привлекательнее. Бездушная ощутила, как в груди что-то странно сдавило, так что она даже чуть не поперхнулась порцией воздуха. Корхилл рассказывал про дворец, но Тан его почти не слушала, поглощенная собственным непонятным состоянием. Она покосилась на все так же улыбающуюся Силанну, не сводившую с Карателя восторженного взгляда, посмотрела на мужчину — а он и не смотрел на вторую спутницу, его глаза не отрывались от Танныи.

— Нравится здесь? — спросил он, прервав свой рассказ.

— Здесь красиво, — искренне призналась Тання — они свернули в еще одну галерею, украшенную тонкими витыми колоннами.

— Только не броди тут одна, во дворце легко заблудиться, если не знаешь, что где, — попросил Корхилл. — Бери кого-нибудь из моих девочек, они рады будут подружиться с тобой и показать, да, Лани? — Каратель повернулся к Силанне.

— О, конечно, с удовольствием! — закивала она. — Тан, я тебя с другими тоже познакомлю, когда вернемся, можно, правда? — Девушка снова посмотрела на Корхилла.

— Можно, да, — согласился Каратель. — Тання, ты не против поужинать сегодня со мной в моих покоях? — обратился он к Бездушной.

И опять она никак не ожидала от него подобной просьбы. Она вообще не привыкла, чтобы хозяин спрашивал ее мнения, но следовало побыстрее принять изменения. Хочет ли она поужинать с Карателем? Он ее хозяин, об этом не стоило забывать, и, даже если ему в самом деле интересно ее мнение, наверняка, задавая этот вопрос, Корхилл рассчитывал на совершенно определенный ответ. И если Тання ответит по-другому, настроение нового хозяина может измениться — ведь прежний очень не любил слышать «нет» от своих игрушек, только если сам не просил об этом.

— Я согласна, — ответила Бездушная так, как хотел Корхилл.

Судя по его довольной улыбке, она угадала.

— Отлично. Силанна, раз вы подружились, я хочу, чтобы ты помогла Тан собраться, — снова обратился он ко второй девушке. — Подбери ей платье, пока у нее своих нет, и что-нибудь из украшений.

— Я все сделаю, Корхилл! — заверила Лани, но почему-то Танныи подумалось, что она не очень рада полученному заданию.

Бездушная бросила на девушку быстрый взгляд, и, хотя та по-прежнему улыбалась, Тання подметила притаившуюся в самой глубине глаз грусть. Но Силанна не возражала почему-то. И когда Корхилл целовал Тан в саду, тоже не ушла, а смотрела. Тання не сомневалась, что после ужина останется в покоях Карателя, иначе зачем ему звать ее с собой?

— А вот и озеро, — известил он, выходя на мраморное полукруглое крыльцо.

Перед ними расстилался пляж из белоснежного песка, чуть впереди — спокойная, прозрачная водная гладь, в которой отражались остров и собор. Тання смотрела на открывшееся величественное зрелище немного отстраненно, потом сделала шаг вперед, еще один, и еще — пока не спустилась со ступенек прямо на песок. Она не видела, как внимательно Корхилл наблюдал за ней, казалось, позабыв о стоявшей рядом второй девушке, не видела, как Силанна, чуть отвернувшись, резко перестала улыбаться и прикусила губу, опустив ресницы, — на них блеснула бриллиантовой искрой слеза. Тання шла вперед, к воде, рассматривая собор и его отражение, осознав вдруг, что не может отвести глаз от открывшейся картины. Тишина и покой этого места окутывали невидимым покрывалом;

хотелось закрыть глаза и глубоко дышать, а потом снова открыть и смотреть на собор. Воздушное каменное кружево, изящные арки и цветные стекла в окнах, зелень, окружавшая строение, — все вместе составляло гармоничный ансамбль, созерцать который Таннии нравилось.

Она остановилась у самой кромки, на время даже позабыв, что не одна здесь. Шагов за спиной девушка не услышала и, лишь когда вокруг талии обвились сильные руки, очнулась от созерцания и вернулась в настоящее.

— Что ты чувствуешь, Тан? — настойчиво шепнул ей на ухо Корхилл, положив подбородок на плечо. — Как тебе озеро, собор?

— Собор красивый, — тихо ответила Бездушная. — Мне нравится. Я раньше таких зданий не видела.

Вряд ли в ней проснулись какие-то чувства, это Каратель преувеличил, конечно, но, возможно, если она будет приходить сюда часто... Таннии хотелось прийти сюда еще раз одной, постоять и просто посмотреть на озеро и на собор.

— А ночью еще красивее, — бархатным голосом произнес Корхилл, и его губы скользнули по щеке Таннии, а ладонь погладила грудь, чуть сжав ее. — Я покажу тебе.

— Хорошо, — послушно согласилась девушка.

Возможно, он приведет ее сюда даже сегодня ночью, после ужина.

— Пойдем прогуляемся дальше по дворцу. — Корхилл отстранился, но его рука осталась лежать на ее талии.

Остаток прогулки не принес сюрпризов — Танния поймала себя на том, что раз за разом уходит в воспоминаниях к тому пляжу у озера, и мало обращала внимания на красоты вокруг. Они вернулись в покои Корхилла, и там на столе лежал листок, на котором что-то было написано. Каратель поднял брови, взял послание и пробежал глазами.

— Девушки, оставляю вас. — Он улыбнулся и повернулся к ним. — Меня зовут на встречу, я сегодня обедаю с другими Карателями. Не заскучаете? — Взгляд зеленых глаз поочередно задержался на Таннии, потом на Силанне.

— Нет, Корхилл, конечно, — с ответной улыбкой произнесла последняя, Бездушная промолчала.

— Вот и отлично. — Он кивнул. — Лан, займись пока гардеробом Тан, хорошо? Помоги ей.

— Хорошо, — кивнула девушка. — Все сделаю, как скажешь.

— Тогда до вечера. — Корхилл подошел к Таннии и взял ее за руку, тихонько погладив тонкие пальцы, потом поднес ладонь к губам и нежно поцеловал. — Только не выходи из дворца, ладно? — мягко попросил он. — Ты города не знаешь и пока не освоилась здесь толком.

— Да, Корхилл. — Танния наклонила голову.

— Ну все, тогда я пошел. — Каратель отпустил руку Бездушной и направился к выходу из покоев.

Силанна посмотрела на новую знакомую.

— Ну что, давай займемся твоей одеждой? — предложила она непринужденно и потянула Тан за собой. — Сейчас позову экономку и портниху. А потом можем познакомиться с другими девочками! — жизнерадостно добавила она.

Бездушная молчала, не возражая. Ей было все равно, чем занять время, только мысли нет-нет да возвращались к озеру. Там бы она посидела, полюбовалась еще видом и собором.

Наверное, он внутри такой же красивый, как и снаружи. «Может, попросить Корхилла показать и его? А вдруг мне нельзя туда?» — отстраненно подумала Тання и решила оставить этот вопрос до вечера.

Шиарра мерила шагами гостиную в отведенных ей покоях и никак не могла справиться с эмоциями. Разговор с Аллардом лишь укрепил подозрения в том, что эта Финира — нечто особенное для него, не просто гостя, как он утверждал. И это его предупреждение... В первый раз она слышала от него что-то, похожее на угрозу. Раньше Каратель держался с ней хоть и вежливо, но отстраненно и даже после близости никогда не оставался в спальне, сразу уходил. А Шиарра готова была после всплеска чувств, впитав в себя чужое и избавившись от него во время секса, доставить Алларду настоящее удовольствие, без примеси лишних эмоций. А он уходил... Просто уходил, и все. Держал ее на расстоянии, наверняка догадываясь о чувствах девушки, но они ему были не нужны, судя по всему. Шиарра тихо всхлипнула, запрокинув голову и не давая слезам скатиться по щекам, — своих слез она не показывала никому.

— Кто ему эта девушка, почему он так о ней заботится? — пробормотала Шиарра; ревность жгла грудь, не находя освобождения, и хотелось кричать и швыряться об стену чем-нибудь хрупким, чтобы осколки брызнули во все стороны.

Как ее разбитое сердце, которое не склеить больше никогда. Она пыталась отвлечься в городе — строгого запрета на выход из дворца у девушек, конечно, не было. Если они требовались Карателю, а кого-то нужного вдруг не оказывалось на месте, простенький камень на кольцо, которое имелось у всех, входивших в гарем, начинал ярко сверкать, а само украшение нагревалось. Поэтому девушки старались не уезжать далеко, чтобы в случае чего быстро вернуться обратно во дворец. А Шиарра и не хотела особо удаляться отсюда, выискивая любую возможность если не побыть рядом с Карателем, то хотя бы понаблюдать за ним издали. Хорошо хоть Аллард никого из других девушек в гареме не выделял особо, да и было их всего четыре вместе с самой Шиаррой. Ее Каратель не спешил дополнять гарем до нужного количества, к тайной радости девушки. И остальные сохраняли с Аллардом в лучшем случае вежливые, дружеские отношения. Но эта Финира...

Шиарра еще покружила по гостиной и решила попробовать разузнать о новенькой у других: вдруг кому-то что-то известно? Можно, конечно, сразу Чали позвать, но после предупреждения Алларда Шиарра опасалась обозначать свой интерес к Финире, а экономка наверняка наябедничает. Ее стоило оставить на самый крайний случай, если из других источников не получится ничего вытянуть. Глянув на себя в зеркало и утерев все же скатившуюся из уголка глаза слезинку, Шиарра вышла из своих покоев и направилась к одному из внутренних двориков — проверить, вдруг кто-то из девушек там отдыхает.

Садик оказался пуст; раздосадованная Шиарра, немного подумав, решила посетить Рахину — от нее Аллард вышел днем, когда они встретились. Замков на дверях покоев не было ни у кого, и Шиарра, негромко постучавшись, но не услышав ответа, тихонько вошла. Гостиная оказалась пуста, и раздражение девушки усилилось: вот где эта Рахина, когда она нужна?! Ведь она почти все время сидит здесь и куксится, и Шиарра искренне не понимала почему: Аллард — видный мужчина, и с ним очень приятно находиться вместе. Особенно если у него хорошее настроение и после обязательного секса под влиянием чужих эмоций он остается еще... Шиарра подавила очередную вспышку ревности. Она слышала от других девушек: иногда Каратель не уходил сразу после первой близости, а вот ей настолько не

везло. Шиарру Аллард покидал почти сразу, чуть ли не сбегал.

Девушка заглянула в спальню, не обнаружила Рахину и там и уже собралась уходить, как заметила приоткрытую дверь в дальней части комнаты, в ванную. Шиарра решительно направилась туда, постучала и услышала наконец тихий голос хозяйки покоев:

— Войдите.

Гостья нацепила жизнерадостную улыбку и переступила порог просторной купальни. Украшенные мозаикой стены, небольшое окно под потолком с витражными цветными стеклами, бассейн, в который вливался журчащий ручеек из стены, плавающие на воде лепестки цветов и горевшие свечи, источавшие сладковатый фруктовый аромат, — похоже, Рахина отдыхала. Она лежала в бассейне, откинув голову на бортик и прикрыв глаза, и даже не посмотрела на вошедшую. Судя по отрешенному лицу, девушка пребывала глубоко в своих мыслях, и совсем не веселых.

— Привет, Рахина, — поздоровалась Шиарра, присев на край купальни и проведя пальцами по воде.

— Привет, — отстраненно поздоровалась Рахина, приоткрыв глаза. — Ты что-то хотела?

— Ну... Скажи, ты что-нибудь знаешь об этой новенькой, Финире? — как можно непринужденнее спросила Шиарра, с трудом сохраняя дружелюбие.

— О Финире? Нет. — Рахина покачала головой, безо всякого интереса выслушав гостью. — А у Алларда появилась новенькая? — В ее голосе проскользнула надежда.

«Дура, — мысленно поморщилась Шиарра. — Такой мужчина, а она страдания изображает!»

— Да, я видела мельком, вот мне и интересно, что за девушка. — Она небрежно махнула рукой. — Они сразу ушли куда-то, — зачем-то добавила Шиарра.

— Может, Чали знает. — Рахина снова прикрыла глаза, вернув на лицо отстраненное выражение. — Она уж точно с ней общалась. А вообще Аллард же не собирался в ближайшее время принимать новых девушек, — пробормотала она немного рассеянно. — Может, просто гостья?

— Может. Ладно, отдыхай. — Шиарра поспешно попрощалась и вышла из помещения.

М-да, видимо, придется все-таки разговаривать с экономкой. Ну, тут можно изобразить участие и желание помочь новенькой освоиться, тогда Чали, может быть, ничего не заподозрит. А Каратель... Шиарра решительно направилась к выходу из покоев Рахины. Она убедит его, что не желает зла новенькой, приложит все усилия. Если понадобится, она даже готова поиграть в дружбу с ним, показать, что смирилась с положением вещей и больше не будет навязываться со своими безответными чувствами. Только придется очень-очень постараться.

Шиарра упрямо нахмурилась. Она справится. В конце концов, капля камень точит, а любому мужчине нужны тепло и любовь, как бы он ни строил из себя неприступного. Ведь все равно Карателю не создать нормальной семьи, это всем известно, обычная женщина ему не подойдет — кто согласится терпеть гарем у мужа, пусть даже он ему нужен не для развлечения?.. А легенды о спутнице, способной выпить все чувства сразу, — это всего лишь легенды. Девушка вернулась к себе, бросив рассеянный взгляд на видневшийся из окна собор и изящный ажурный мост, ведущий к нему, и позвала Чали, дернув шнур звонка. Экономка пришла быстро.

— Шиарра, что случилось? — поинтересовалась она слегка настороженно.

Да, Чали ее недолюбливала, и Ши это знала, но сейчас она не собиралась предъявлять какие-то претензии или жаловаться. Улыбнувшись как можно дружелюбнее, Шиарра заговорила.

[Купить полную версию книги](#)